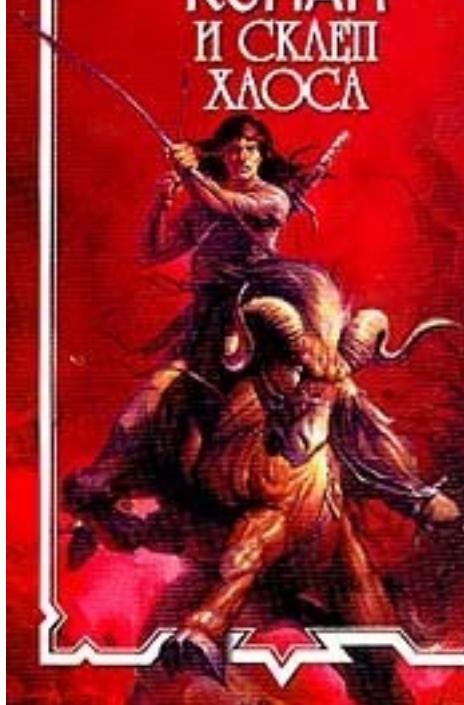

КОНАН

КОНАН
И СКЛЕП
ХЛОСА

Олаф Бьорн Локнит
Склеп Хаоса
Серия «Волны Закатного
океана», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180072

Конан и склеп Хаоса: АСТ, Северо-Запад Пресс; М., СПб.; 2001

ISBN 5-93698-006-5, 5-17-001011-7

Аннотация

Команду «Вестрела» нанимают для избавления Побережья от напасти в виде Дракона, который топит суда. В этом приключении Конан встречается с молодым охотником на драконов – графом Монброном. У этих двоих общая цель, однако Конан хочет золота, а граф славы. А тут ещё в дело вмешивается неизвестная третья сторона...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	76
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	109
ГЛАВА ПЯТАЯ	150
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Олаф Бьорн Локнит

Склеп Хаоса

Моим друзьям (Хелен, Агнешке, Алексу Мак-Дуфу, Мелу, Гунтеру Райхерту и Джерри Райану) во исполнение данного некогда обещания и в память о нашей общей поездке в Иерусалим.

Олаф

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Светские беседы и деловые переговоры

Утро.

Прозрачный туман медленно рассеивается, сползая по кривым улочкам к морю. Город, подобно просыпающемуся человеку, протирает глаза, оглядывается и вспоминает, что происходило вчера. Он зевает, лениво шлепает босиком по дому, выглядывает во двор и окликает соседей. Хлопает дверями, звякает ведрами и пустыми бутылками. Прищурясь, смотрит на небо и встречает новый день.

Город на морском берегу очень стар. Имя ему – Кордава. Заезжие гости столицы изощряются в сложении пышных титулов, наперебой твердя о роскоши ее дворцов, живопис-

ности гавани и неприступности городских стен. Они восхищаются строгостью и надменностью древней крепости, разноцветьем и многообразием кораблей в порту, пестротой и шумом торговой площади.

Горожане втихомолку посмеиваются над впечатлительными путешественниками. Они-то прекрасно осведомлены о неприглядных сторонах жизни столицы и, разумеется, предпочитают не выставлять их напоказ. Пусть лучше чужаки, раскрыв рты, глазают по сторонам, лазают по развалинам знаменитых дворцов и внимают рассказам добровольных проводников. И вовсе незачем поднимать крик, обнаружив аккуратно срезанный кошелек. Нужно же рассказчику чем-то оплатить свои труды! Одной благодарностью сыт не будешь.

Солнце карабкается по небосводу выше и выше, оживающий город шумит все громче. Туман окончательно растаял, открыв любопытствующему взгляду всю столицу – от дальних предместий и Старой Гавани до Коронного замка и торговых кварталов. Правда, никому еще не удавалось увидеть Кордаву целиком – разве что смотрителям маяков да стаям крикливых чаек.

С высоты город напоминает драгоценную многоцветную застежку-фибулу, соединяющую зелень и золото побережья с беспредельной синей гладью Океана. Вместо витого кольца – крепостные стены, вместо острой иглы – блестящая лента Черной реки, разрезающей город...

Только чайки представления не имеют о людских украшениях и словесных изысках. Их куда больше заботит собственное пропитание. Служители маяков же, как водится, трудятся по ночам, а в темноте немного разглядишь. Россыпь пестрых огоньков на окрестных холмах, не более того.

Потому жители столицы куда чаще сравнивают свой город с красавицей полуденных стран. С эдакой не в меру острой на язык, пестро наряженной, звякающей множеством безделушек и слегка попахивающей особой. Именно таковы здешние горожанки – представительницы купеческого или вилланского сословия. Те самые, что переругиваются на рынке, сплетничают на каждом перекрестке да строят глазки налево и направо.

А город уже захлестнут мутной, клокочущей волной наступившего дня. Гудит на множество голосов Морской рынок:

– Рыба, рыба, свежая рыба! Да не тычь пальцем, недотепа – укусит же! Рыба, рыба, прямо со дна морского!

– Только между нами – у Лодочной пристани швартуется галера из Шема с грузом шелковых тканей, я свожу вас с купцом Саалом, вы платите мне двойные посреднические... По рукам?

– Держи вора! Люди добрые, обокрали!

– Амулеты, дешевые амулеты! От сглаза, от порчей, от желудочных корчей! Один возьмешь – сотню лет проживешь! Кому амулеты от всех напастей?

– Подайте на возмещение убытков в храме Митры Светозарного, порушенного в начале года нынешнего страшным природным бедствием...

Пусть столичные гости разносят слухи о базарах в шемском Асгалуне, где поистине можно купить все. Пусть заезжие купцы с восхищением повествуют о раскинувшихся на многие лиги торжищах в Султанапуре и Хоарезме. В Кордове не будут завидовать или восхищенно качать головой. Здесь есть Морской рынок, многоязычный, неумолчный, продающий и покупающий от рассвета до заката и рьяно торгующийся за каждый сикль, дебен или талер.

Плывет над городом протяжный звон медных курантов. Поскрипывают снасти множества кораблей, бросивших якорь в устье Черной реки. Бурлит жизнью древняя Кордава, столица Зингары, хозяйки Закатного Океана и морских дорог. Трещит на свежем ветру знамя с гербом страны – золотой крепостью, встающей из синих волн.

Коронный замок в самом деле вырастает из бушующей водной стихии. Он стоит на далеко выдавшемся в море скалистом утесе, и стражники на неприветливых бастионах серого и темно-красного гранита пристально выглядываются в обманчиво спокойный горизонт. Другим городам опасность угрожает с суши, Кордаве – только с моря. Но уже давно никто не рискует испытать на себе мощь военных кораблей Зингары.

И под надежной защитой мрачноватой Старой крепости

расцветает не только город, но и Новый замок – резиденция нынешнего короля Зингары.

Левое крыло замка – уступами спускающееся к морю скопление причудливых островерхих башенок и маленьких флигелей бело-розового мрамора, утопающее в яркой зелени – принадлежит молодой наследнице трона, принцессе Чабеле. Сюда собирается все лучшее, что есть в стране, тут правит бал остроумное легкомыслие, а слово монарха почти не имеет силы. Владения Чабелы – маленькое государство в государстве, в котором наследница распоряжается в согласии с собственным разумением.

Полдень. На открытой террасе, с которой открывается вид на пеструю суматоху кордавской гавани, принцесса встречает гостя. Гость, в нарушение всех установленных церемониалов, является без сопровождения дворцовой стражи и сам во всеуслышание заявляет о своем присутствии. Принцесса смеется, льется в серебряные чеканные кубки темно-красное вино, раздается мелодичный звон...

Двое стоят возле невысокого резного парапета, и, хотя вокруг никого нет, говорят вполголоса. С моря, разгоняя густой аромат цветущих апельсиновых деревьев и унося обрывки слов, налетают порывы соленого ветра. Ему нет дела до беседующих людей и он не задерживается, чтобы прислушаться к их разговору.

А зря. Мог бы разузнать много интересного.

Придворные старого зингарского короля Фердруго в один голос утверждали – принцесса Чабела по молодости лет крайне неосторожна в выборе друзей и знакомых. Чем нарушает все правила приличия и рискует навсегда опорочить доброе имя правящей династии перед лицом всего Полу-денного Побережья. И хорошо, если дело ограничится одним только Побережьем и слухи не поползут дальше, на полночь, в Аквилонию или Аргос! Там же с радостью ухватятся за предоставленную возможность насолить слишком много возомнившей о себе Зингаре!

Но никто из пламенных защитников чести государства пока не решился самолично доложить о королю о недостойном поведении принцессы. Не говоря уж о том, чтобы воспретить странноватым гостям наследницы беспрепятственно являться в замок.

Придворные – они ведь тоже люди. Жить им хочется не меньше, чем простонародью. Визитеры же принцессы знали только один (зато безотказный) способ справляться с неожиданными препятствиями. Заключался он в полном уничтожении таковой преграды. И неважно, имела вставшая перед ними помеха вид запертой крепкой двери или десятка хорошо вооруженных человек.

Поэтому большинство обретавшихся в Новом Замке дворян предпочитали благоразумно помалкивать и старательно делали вид, что не замечают пугающих гостей наследницы трона.

Обыватели же здраво полагали, что принцесса Чабела сама сообразит, кому стоит доверять, а от кого надо держаться подальше. Кроме того, всем прекрасно известно, чьими стараниями пополняется королевская казна и кто поддерживает влияние Зингары на просторах Закатного Океана. А то, что многие за глаза именуют этих людей пиратами, разбойниками и грабителями – это ведь просто слова. Даже на солнце, как известно, можно найти пятна. Так чего же требовать от бедных смертных!

Потому не будем зазря трепать языком о принцессе и ее подозрительных друзьях-приятелях. А коли пришла охота посплетничать – убедись сперва, что рядом все свои. Иначе найдут тебя где-нибудь в темном переулке возле Старой Гавани с небрежно свернутой шеей или двумя улыбками, вторая из которых будет слишком широкой. В Кордаве не любят болтунов.

Обычно гости принцессы не трудились сообщить о времени своего визита. Они просто заявлялись (разумеется, не через парадные входы) и после кратких, но содержательных бесед столь же незаметно исчезали. Нынешний визитер был исключением – принцесса утром сама отправила в Новую гавань гонца с устным приглашением. Послание Чабелы было

кратким и незамысловатым: «Приходи немедленно».

Принцесса отлично знала, что никакое «немедленно» (ни ее, ни чье-либо) не подействует. Ее гость придет, когда найдется свободное время или он сочтет нужным появиться в Новом Дворце. Подобное случалось уже не раз. Она посылала в Гавань весточку с категорическим требованием сей же миг быть здесь, а возвращавшийся гонец дрожащим не то от испуга, не то от сдерживаемого возмущения голосом докладывал: «Велели ответить – некогда...»

И наследница кордавской короны, достойная дочь своего папеньки, не прощавшая ни малейшей обиды, могла сколько угодно метать громы и молнии. Под конец она смирилась с существующим положением дел. В конце концов, если речь заходила о чем-то действительно важном, ей приходилось ждать ровно столько, сколько требовалось ее посыльному на то, чтобы добежать до гавани, передать известие, а затем вернуться обратно. Ну, или немного больше – если гонец шнырял по пристаням и окрестным кабакам, разыскивая нужного принцессе человека.

Сегодня ожидание подозрительно затягивалось. Мальчишка-вестник ушел, когда все имевшиеся в замке куранты отбивали десятый послеполуночный колокол, а сейчас было далеко за полдень. С высоты открытой террасы Чабела видела просторную гавань и рассыпавшиеся по ней корабли, но не сумела разглядеть в неразберихе хлопающих на ветру парусов нужное судно. Впрочем, принцесса с величайшим удо-

вольствием выслушала бы от своего посланника слова: «Их нет в Кордаве». Тогда все беспокоящие ее трудности разрешались сами собой. На нет, как говорится, и суда нет.

Надеждам принцессы не суждено было сбыться – гость, оказывается, изволил задержаться по дороге. Разумеется, ему и в голову не пришло извиняться за опоздание, и Чабела в очередной раз задала себе безответный вопрос: почему она принимает этого человека в своем доме? Более того – по мере сил пытается заботиться о его благополучии? Только потому, что он однажды помог ей, когда она угодила в довольно неприятную ситуацию?

Или потому, что в многолюдном замке и огромном городе он был единственным, кому она могла доверять?

Принцесса с детства накрепко усвоила наставления отца: «Доверять нельзя вообще никому. Однако, если уж ты вынуждена поделиться своими секретами, то сперва убедись, что твои тайны будут проданы только в случае крайней необходимости и по достойной цене». Чабела так и поступила, с радостью удостоверившись, что не ошиблась в выборе, а отец, как всегда, был прав.

О чем там шепчутся во дворце за ее спиной – не имеет значения. В конце концов, пройдет еще лет пять или шесть (если, разумеется, на то будет воля богов и не случится ничего непредвиденного), и ей предстоит занять трон Зингары. Чабела никогда не забывала потихоньку напоминать самым отъявленным болтунам при дворе об этом обстоятельстве.

Любители светских сплетен либо (если они были достаточно разумны) выбирали для бесед другой повод, либо (если они оказывались непроходимо глупыми) куда-то исчезали. Что поделать – такова жизнь в Кордаве, никогда не знаешь, что произойдет завтра. Опасности, знаете ли, на каждом шагу!

Единственное, в чем мнения Чабелы и обитателей коронного замка Кордавы полностью совпадали, было утверждение: трудно отыскать человека, более неподходящего на звание «доверенного лица принцессы». Ну что может быть общего между наследницей одной из самых древних и уважаемых династий Закатного материка и прирожденным авантюристом на королевской службе? Правильно, ничего. Тем не менее означенного авантюриста в Новом замке всякий раз встречали с почетом, какого не удостоивались порой влиятельнейшие посланники из сопредельных стран, и просили непременно заходить еще...

Принцесса вздохнула над непредсказуемостью и несовершенностью жизни и оглянулась: чем там занят ее гость?

Гость в нарушение всех правил этикета сидел на низенькой мраморной балюстраде, ограждавшей террасу, и смотрел на сияющий под полуденным солнцем залив. Принцесса вздохнула еще раз – как ни жаль, однако сейчас ей придется заводить речь о том, ради чего она и позвала своего визитера. Разговор обещал быть весьма неприятным, и начинать его Чабеле совершенно не хотелось. Но, как говорили в гавани, «раз уж поднял паруса – не торчи возле причала».

– Что ты там высмотрел? – осведомилась Чабела. Гость, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Иди полюбуйся, сейчас начнется веселье.

Принцесса встала из-за изящного одноногого столика, заставленного тарелками драгоценного кхитайского фарфора со следами довольно обильного завтрака, и подошла к краю террасы.

– Так что здесь забавного?

Вместо ответа гость ткнул рукой в дальнюю часть гавани, где находилось устье Черной реки. Выросшая у моря принцесса быстро сообразила, на что именно следует смотреть – тяжело груженная и низко сидящая галера по невнимательности рулевого заползла на длинную отмель, нанесенную водами реки. Издалека длинный корпус судна напоминал увязшего в густой смоле жука-водомерку, пытающегося высвободиться и лихорадочно молотящего лапками-веслами. Сходство усиливали несколько метавшихся вокруг баркасов, пытавшихся вытянуть застрявший в песке корабль на более глубокое место.

– Не повезло беднягам, – тоном знатока оценила Чабела. – Провозятся до вечера. Кто это?

– «Каракатица» из Мерано, аргосские купцы, – кратко сообщил гость и презрительно хмыкнул, наблюдая за тщетными стараниями баркасов. – Крепко завязли. Интересно, кто у них на руле стоял? Я такого бы к гавани за перестрел на подпустил...

– Можно подумать, с тобой никогда не случилось ничего подобного, – съязвила принцесса.

– Разумеется, – не согласился, а подтвердил очевидное гость, тряхнув небрежно причесанной гривой черных волос. – Хочешь – пойдем с нами, сама убедишься.

– Благодарю покорно! – Чабела даже вздрогнула. – Когда я в последний раз согласилась на это безумное предложение, вас угораздило ввязаться в бой с тремя или четырьмя кораблями сразу, а меня, – она смущенно хихикнула, – стыдно признаться, но меня укачало. Кроме того, стоило мне отвернуться, как твоя злющая подружка начинала шипеть, как кошка с прищемленным хвостом, а команда ворчала, что две женщины на борту – это перебор. Вдобавок, в дворце на меня обрушилось столько презрительных взглядов и многозначительных намеков, что я устала придумывать достойные ответы! Хватит, хватит, больше ты меня не уговоришь! Я лучше помашу вам с причала – гораздо безопаснее, а горожане останутся довольны – такое великолепное представление и совершенно бесплатно!

– Как хочешь, – невозмутимо сказал гость. – Кстати, зачем я тебе понадобился? Если тебе не с кем поболтать, то извини – у меня дел полно...

– Есть новости, – принцесса спрыгнула с мраморной ограды и прошлась по террасе. Длинный подол черно-алого бархатного платья с шуршанием волочился за ней. Молодая наследница престола была весьма привлекательна и отлично

знала это, но сейчас могла позволить себе редкое удовольствие – побыть собой. То есть слегка встревоженной, слегка злой и слегка испуганной девушкой, беспокоящейся за судьбу своего давнего и куда более опытного в жизненных передрягах друга.

– Судя по твоему виду, новости из рук вон плохие, – безмятежно заметил гость, так и не покинувший облюбованного места. – Слушай, перестань метаться как угорелая и объясни все толком.

– Объясняю, – Чабела подобрала виноградный листок, заброшенный на террасу ветром, и принялась безжалостно рвать его на кусочки. Выглядела она при этом на редкость спокойной. – Тебе необходимо покинуть столицу. Как можно скорее, лучше всего – сегодняшним вечером.

– С какой радости? – нахмурился гость. – Ты полагаешь, все так просто – собрались и ушли? Мы только что вернулись, команда гуляет в городе, в трюмах хоть шаром покати... Да посмотри вокруг! Уже две седмицы стоит мертвый штиль, а это значит, что не сегодня-завтра мы огребем замечательную бурю. Я предпочел бы переждать ее в гавани, а не болтаться на хлипкой посудине посреди океана. К чему такая спешка?

– Конан, я когда-нибудь давала тебе плохие советы? – сердито спросила принцесса и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Ты хоть раз можешь не задавать вопросов, а делать, что тебе говорят?

– Не могу, – непререкаемо отрезал корсарский капитан. – Давай, признавайся, наследница короны. Кому мы отдали мозоль на этот раз?

– Отцу, – с грустью сказала Чабела, рассудив, что будет лучше не оттягивать миг неприятного разговора и сразу высказать все. – Он по-настоящему разозлился. Не надо было вам убивать дядю Гильермо... Только не говори, что это случайность, я сама прекрасно знаю. Я молчала, как мы договаривались, но кто-то в обход меня доложил королю о твоих проделках. Теперь отец твердит, что ты во всем виноват и ему ничего не доказать. Если ему сообщат – а я предполагаю, что уже доложили, доброжелателей у нас тут хватает – что вы в Кордаве, он потребует, чтобы ты явился на, как он выразился, «приватную беседу». После чего ты наверняка лишишься каперского патента, судно отберут, твою команду разгонят, и это будет лучшим завершением всех бед. Кроме того, есть еще одно обстоятельство... – принцесса замолчала и уставилась на листок, превратившийся в жалкий огрызок.

– Договаривай, чего уж там, – с обреченным видом махнул рукой гость.

– Ходит слух, что ты нарушаешь присягу и уже несколько раз нападал на корабли под зингарским флагом, – с некоторым трудом выговорила Чабела.

– И кто это говорит? – нехорошо прищурился Конан.

– Как обычно – все и никто, – отозвалась принцесса. – Ты же сам знаешь – о чем шепчутся во дворце, о том вскоре нач-

нут кричать на улицах, – она неожиданно резко вздернула голову, отчего дрогнули украшавшие ее сложную прическу белые розы, и отчеканила: – Я этому не верю. Полагаю, если бы ты захотел порвать отношения с тронном Зингары, то, скорее всего, просто явился к папе и выложил ему все, как есть. После чего громко хлопнул дверью и ушел. Я права?

Гость молча кивнул.

– Ни для кого ни секрет, что многие тебе завидуют, – уже спокойнее продолжила свою мысль Чабела. – Может, кто-то распускает сплетни, а может, кто-то действительно нападет на корабли, прикрываясь твоим именем. Кстати, мне удалось узнать, что в последний раз такое нападение произошло неподалеку от устья Фламмы, то есть Громовой реки, как ее называют в Аквилонии. Где-то рядом с городом Карташеной. В общем, теперь я сказала все, что хотела. И повторю еще раз – исчезните. Пройдет месяц-другой, за это время я сумею убедить папу в том, что он глубоко заблуждается, обвиняя вас во всех бедствиях мира. Покрутитесь возле Шема, лишний разок припугните толстосумов из Асгалуна и возвращайтесь. Согласен?

– Как я понимаю, ты предлагаешь нам смыться подальше от твоего грозного папочки, которому вожжа под хвост попала, и вести себя смирно? – медленно и задумчиво проговорил Конан. Принцесса в отчаянье всплеснула руками:

– Да почему ты такой упрямый? Что ты пытаешься доказать? Что вы лучшие на всем океане? С этим уже давно никто

не спорит! Всю свору мерзавцев с Барахас при упоминании твоего имени передергивает. Купцы предпочитают не высываться из гаваней, как только проходит слушок, что вас заметили где-то поблизости. Неужели ты хочешь все сгубить из-за собственного упрямства? Я-то полагала тебя благоразумным человеком...

– Я разумный человек, – поправил гость. – И потому не хочу срываться с места в самом начале сезона штормов.

– Ни за что не поверю, что тебе неизвестна какая-нибудь маленькая неприметная гавань, где можно надежно укрыться, – недоверчиво сказала Чабела. – Ведь известна?

– Ну, допустим, – расплывчато отозвался Конан. – Нечего сказать, удружила! Мне же сейчас метаться по всей Кордаве, разыскивая по кабакам собственную команду! Если начнется бунт – я скажу, что ты во всем виновата. Ты и твой папаша-кровопийца.

– Оставь в покое моего отца. С вами по-другому нельзя, – сердито огрызнулась принцесса. – Время от времени кого-то из вашей вольной шайки необходимо примерно наказывать, а то соседи начинают ворчать. Мол, кордавские корсары совсем отбились от рук, даже собственного короля не уважают. Придется тебе и твоим людям немного победствовать вдали от наших гостеприимных берегов. И не вздумайте бунтовать – тогда даже мое заступничество и прежние заслуги не спасут... Так я могу надеяться, что к завтрашнему утру на причалах даже вашего духу не будет?

– Уговорила, – неохотно согласился гость. – Сама отлично знаешь, нет у меня никакого желания ссориться с Фердруго. Так и быть, сегодня вечером или ночью мы уйдем.

Чабела хмыкнула, довольно схоже передразнив визгливые интонации торговки-шемитки с Морского рынка:

– Я ж всегда говорила – с этого молодого человека таки выйдет толк! – и уже своим голосом вкрадчиво добавила: – Впрочем, все сказанное мною не означает, что тебе необходимо прямо сейчас мчаться в гавань.

* * *

Визитеры принцессы, не желавшие привлекать к себе излишнего внимания, обычно покидали Новый Замок через неприметные Торговые ворота, предназначенные для всякого рода поставщиков двора и прислуги. Конечно, здесь тоже стояла стража, но многоопытные караульные давно усвоили, в каких случаях стоит чуток ослабить неусыпную бдительность. У стражника справа при виде корсарского капитана немедленно что-то случилось с завязками надраенного до нестерпимого блеска панциря. Гвардеец слева решил, что самое время прикрикнуть на возницу медленно вползающей в ворота тяжело груженной повозки. Возчик счел себя обязанным подробно обсказать караульному, что он может де-

лать со своими приказаниями. К оживленной перебранке тут же присоединился выглянувший на шум кухонный распорядитель... В общем, никто даже не сделал попытки задержать подозрительного типа, вышедшего из дворца, на предмет выяснения, кто он такой и что здесь делает.

Узкая улочка, мощеная гранитными булыжниками, вела от Торговых ворот прямым в Приморский квартал, к гавани. Гость наследницы короны, цокая подкованными сапогами по мелким камешкам, неспешно прошел вдоль наружной стены замка, свернул налево, на миг задержался возле лотка уличного торговца фруктами, невозмутимо прихватил особо приглянувшуюся ему кисть винограда, и отправился дальше. Слегка растерявшийся от подобной наглости торговец открыл было рот, потом более пристально посмотрел вслед уходящему грабителю, сплюнул и рассудил, что от потери одной виноградной кисти он не обеднеет. Затевать ссору, звать городскую стражу – себе дороже!

Улица вильнула в последний раз и оборвалась у начала городской достопримечательности – широченной лестницы под названием «Корабельная», длиной едва ли не в тысячу ступенек, несколькими пролетами спускающейся к морю. Отсюда был виден почти весь полукруглый залив, далеко вытянувшиеся в море причалы и поблескивающее на солнце тускловатой старой бронзой «Чудо Морское». Конан, обитавший в Кордаве уже почти год, все равно задержался у начала лестницы, удивляясь про себя, как можно украсить свой

город таким чудовищем. Мало того – искренне восхищаться им и водить приезжих любоваться!

«Чудо Морское» было статуей. Причем не просто статуей, а монументом в честь морской славы Зингары. Задумывалось оно как памятник морякам, погибшим около ста лет назад, во времена ожесточенных сражений Зингары и Аргоса. Победившая Зингара решила не жалеть денег и заставить все страны Полуденного Побережья позеленеть от зависти.

Да уж, тут было чему завидовать... Мало того, что памятник имел по меньшей мере две сотни локтей высоты, мало того, что его установили посреди гавани, затопив ради этого несколько десятков барж с камнями и землей, так он еще получился, по мнению Конана, на редкость уродливым. А первый помощник капитана, кордавец Асторга, при виде «Чуда Морского» кривился и бормотал: «Ну и страховидла... За что нам такое наказание?»

По замыслу создателя, памятник должен был напоминать горожанам о подвиге нефа «Ястреб», сумевшего в одиночку прорваться в устье Хорота и высадить десант возле Мессантии, что в корне изменило ход какого-то знаменитого сражения. На деле же «Чудо Морское» больше походило на огромную бронзовую скалу, из которой то здесь, то там торчали причудливые носовые украшения доброго десятка кораблей, так или иначе отличившихся в те бурные времена. Венчалось огромное сооружение слегка уменьшенной копией знаменитого «Ястреба» под всеми парусами. Знатоки со смешками

уверяли, что вид у прославленного нефа в точности как у перегруженной галеры, с размаху налетевшей на подводные камни.

Единственная польза от монумента заключалась в том, что из него получился неплохой ориентир для входа в гавань. По ночам на верхушке памятника зажигали огонь, ясно видимый за несколько десятков лиг даже в самый густой туман. Но днем смотреть на статую без содрогания было невозможно. Слишком уж она была огромной, пышной и безвкусной. Острословы прозвали ее «Чудом Морским» и это название стойко держалось уже почти сто лет, даже войдя в списки лоций.

Статуя также полюбилась разнообразным морским птицам, немедленно обосновавшимся в ее многочисленных нишах и выемках, и быстро обляпавших белым пометом все выступающие части. Иногда монумент чистили, но толку от этого было чуть больше, чем немного – птицы немедля восстанавливали соскобленное.

А лет десять назад моряки с торговых кораблей употребили памятник в качестве виселицы, решив не дожидаться приговора королевского суда и весьма живописно развесив на нем изловленную команду Руиза Акулы. Разумеется, во главе с самим Акулой, ставшим уже притчей во языцех и нагадившем всем, кому только можно. К сожалению, именно в этот день в Кордаву явилось посольство из Шема, и мирные переговоры были напрочь сорваны – шемиты решили, что

им нечего делать в стране, где столь необычно используются монументы павшим героям...

«Не чудо, а чудовище, – решил про себя Конан, быстро спускаясь по широким ступеням Корабельной лестницы мимо пестрых лотков и шумных торговцев. – Скорее бы она рухнула... И лучше всего – на голову той сволочи, что напела Фердруго про наши темные делишки. Вот не повезло, так не повезло!»

С тех давних времен, когда кому-то из зингарских королей пришла в голову блистательная мысль – привлечь на свою сторону пиратскую вольницу, отношения между правителями страны и корсарами были не слишком доброжелательными. Короли частенько жертвовали пиратскими кораблями во имя своих собственных интересов и государственных интриг. Корсары не оставались в долгу, удирая на независимый Барахас или переходя на службу к Аргосу, вечному сопернику Зингары в торговых и политических делах. Впрочем, надо отдать должное и тем, и другим – большинство честно соблюдало условия заключенного договора. Власти предпочитали закрывать глаза на мелкие преступления своих не в меру буйных подчиненных. В конце концов, кто из нас без греха? В море, как известно, может произойти все, что угодно. А все, что творится вокруг – непременно к лучшему.

Именно так около года назад правитель Кордавы отнесся к сообщению, что в подвластной ему гавани отдал якоря

ничем не примечательный карак под названием «Вестрел», а капитан сего судна по общему решению команды просит дозволения на получение каперского патента и права поднять на корабле флаг Зингары. За какое разрешение готов внести в казну государства требуемую мзду и расплачиваться установленной долей с возможной добычи.

И все бы было ничего – подобных прошений в Коронный дворец иногда поступало по десятку в месяц – да только имечко у этого капитана было примечательное. Звали его Конан (или, как именовали его большинство друзей и врагов, Конан Киммериец), а разнообразных сплетней и слухов за ним волочилось не меньше, чем водорослей за старым кораблем, уже полсотни лет не покидавшем причал. Кто-то называл его «дикарем без всякого понятия о чести», кто-то «бездушным убийцей и грабителем». Нашлись также, к немалому удивлению короля, достойные всяческого уважения люди, всерьез утверждавшие, что поверят единственному слову в мире, при условии, что оно будет дано вышеупомянутым Конаном...

Наконец, из Коронного замка в гавань прибыл долгожданный гонец. Он привез с собой связку подписанных королем и заверенных многочисленными чиновниками бумаг, из которых следовало: карак «Вестрел», находящийся под командованием некоего Конана Киммерийца, с экипажем в два с половиной десятка человек отныне входит в состав флота короны Зингары. Подбор команды оставляется на усмотрение

ние капитана, место стоянки назначается комендантом порта, досмотр привозимых ценностей проводится таможенными смотрителями, жалование выплачивается в зависимости от успехов судна, в случае политических неурядиц вся ответственность ложится на капитана... В общем, добро пожаловать на королевскую службу!

Что ж, Зингара так Зингара. Страна не хуже других, а во многом даже и лучше. К тому же у короля Фердруго оказалась хорошенькая и весьма неглупая дочка, с которой можно было иметь дело.

С того памятного дня миновало почти десять месяцев. В гавани привыкли к неожиданным появлениям и исчезновениям «Вестрела». Во дворце смирились с тем, что принцесса Чабела оказывает благоволение столь подозрительной личности, как корсарский капитан. Жизнь была не то чтобы чрезмерно насыщенной событиями, однако скучать не приходилось.

И, как водится, в одно прекрасное утро все пошло наперекосяк.

Если придерживаться истинного изложения событий, утро было не слишком прекрасным. Оно было самым обыкновенным – sereneкий рассвет неподалеку от побережья Шема. Защиливший «Вестрел» покачивался на тихих волнах в ожидании, когда ветер разгонит туманную хмарь и можно будет определиться, куда идти дальше.

Явление из-за непроглядной стены тумана медленно пол-

зущей торговой галеры было воспринято командой как неожиданный подарок судьбы. Захват был проведен образцово – на галере даже пикнуть не успели. За исключением какого-то разряженного типа, в самый неподходящий момент выскочившего на палубу и начавшего увлеченно размахивать рапирой направо и налево. Нежданному защитнику досталось веслом по голове, после чего оказалось – в этом мире его больше ничто не волнует.

К тому времени окончательно рассвело и выяснилась еще одна интересная подробность. Над галерой развевалось знамя Зингары. Свои ограбили своих. И не такое случается...

С того времени для «Вестрела» начались сплошные неприятности. Сначала выяснилось, что не обошлось без свидетелей (хотя любой из команды мог поклясться, что в то утро на десяток лиг в округе не маячило ни одного паруса). Свидетель оказался достаточно умен, чтобы не мчаться с доносом в Коронный замок, а попытаться извлечь из печального положения карака пользу для себя. Заодно выяснилась и личность убитого и это добавило трудностей – убитый оказался дальним родственником короля, направлявшимся по делам короны в Шем.

Вопрос был поставлен предельно ясно: или капитан «Вестрела» соглашается выполнить некое довольно опасное поручение, или Фердруго узнает, кто послужил причиной смерти его родича.

К сожалению для нанимателя, его далеко идущим пла-

нам не суждено было осуществиться, хотя Конан честно пытался исполнить все взятые обязательства. В игру вмешались новые участники, и события приняли иной, совершенно непредсказуемый оборот. В итоге кое-кто отправился на встречу со своими предками, команда «Вестрела» слегка разбогатела, но, к общему огорчению, лишилась своего любимца – юнги Вайда по прозвищу Крысенок. Вайд предпочел остаться на далеком дарфарском побережье, вбив себе в голову, что его судьба отныне связана с древним и непонятным сооружением, затерянным в джунглях.

Карак вернулся в гавань Кордавы. Все были глубоко уверены, что их злоключения на этом закончились, но, как только что выяснилось, заблуждались. Кто-то все же доложил королю о событиях далекого туманного утра. Принцесса совершенно права – «Вестрелу» надо срочно сматываться. Фердруго не простит убийства родственника (пусть и невольного), к тому же в последнее время между королевскими корсарами и правителем страны были не самые лучшие отношения. Несколько кораблей, недовольных порядками в городе, взбунтовались и ушли на Барахас, на команды остальных власти Кордавы начали поглядывать с плохо скрываемым подозрением. Проще будет в самом деле не мозолить глаза обитателям Коронного Замка, затаиться и подождать, чем все закончится.

Кроме того, есть еще одна немаловажная вещь, ради которой стоит поскорее выйти в море. Это какой же мерза-

вещ осмелился заикнуться, что капитан «Вестрела» нарушает присягу? Единственный раз – не в счет!

Конан никогда не считал себя совершенно честным человеком, но раз уж он пообещал служить короне Зингары – он сдержит свое слово. И ни одной болтливой заразе не будет позволено безнаказанно трепаться у него за спиной! Чабела сказала, якобы последнее нападение произошло возле устья Громовой? Отлично, вот туда они и отправятся! И если этому недоумку не посчастливится и он попадет на дороге «Вестрела» – пусть пеняет на себя и на свой не в меру длинный язык!

Под такие мрачноватые размышления Конан не заметил, что преодолел Корабельную лестницу и теперь идет по набережной. С одной стороны толпились, налезая друг на друга и споря пестротой вывесок, всевозможные лавки, трактиры, гостиницы, торговые дома и склады, с другой тянулись ровные каменные причалы. Под деревянными настилами тихо плескалась зеленоватая вода, в которой – несмотря на строжайшее предупреждение коменданта гавани – плавали выплеснутые за борт объедки, корки, какие-то неопределяемые останки неизвестно чего и даже дохлая крыса. Слышалось поскрипывание и шуршание – это терлись о плетеные кранцы борта кораблей. Пронзительно орали чайки, переругивались носильщики, торговцы зазывали покупателей, дрожал над заливом нагретый воздух – словом, в гавани Кордавы был обычный день. Такой же, как вчера, и какой наступит

завтра.

* * *

«Вестрел» – небольшой, изрядно потрепанный волнами и ветрами двухмачтовик с высоко поднятой кормой – стоял почти в самом конце набережной. Это было вызвано обычной предусмотрительностью: во-первых, отсюда легко заметить приближающихся нежеланных гостей; во-вторых, можно быстро и незаметно поднять паруса и уйти вдоль берега, не тратя время на долгое пересечение гавани.

Издалека карак с убранными парусами и поднятыми сходнями выглядел на удивление тихим и заброшенным. Однако Конан надеялся застать на борту кого-нибудь из команды, чтобы послать его разыскивать загулявший экипаж. Большая часть народа наверняка торчит в маленьких кабачках на набережной, а любители основательно выпить и закусить скорее всего обосновались в таверне «Девять стрел». Неохота, конечно, выдергивать людей из-за столов и оттаскивать от только что найденных подружек, но ничего не поделаешь. Такова жизнь, как говорится.

Вахтенный, которому вроде как полагалось наблюдать за берегом и встречать проходящих, разумеется, клевал носом. Так что вернувшемуся из города капитану пришлось, ворча,

перелезть через высокий фальшборт и прыгать на нижнюю палубу.

Там царила настоящая идиллия. Поверх свежесмытых досок лежала слегка облезлая шкура, выдаваемая за медвежью. На ней с удобствами расположились двое мужчин, девушка в ярко-красном платье, вместительная корзина с бутылками и доска для игры в нарды. Судя по расстановке фишек, партия находилась в самом разгаре.

Востроносая девица занималась тем, что откупоривала бутылки и шепотом давала советы играющим. Игроки – неизменный рулевой карака, рыжий ванахеймец Сигурд и первый помощник капитана Асторга – раздраженно отмахивались и вполголоса переругивались.

Девчонку Конан тоже знал. Она была уличной торговкой и очередной подружкой Асторги (в силу этого обстоятельства ей разрешалось иногда подниматься на корабль). Звали ее Эболи-Колючка.

Именно Эболи первой заметила появление капитана и, наклонившись, подтолкнула увлекшихся игроков, быстро что-то прошептав. Сигурд и Асторга неохотно оглянулись.

– Смотрите, кого принесло, – протянул Асторга, приветственно помахав наполовину опустевшей бутылкой. – Что новенького в замке? Как поживает наша очаровательная Чабела?

– Ты чего так быстро? – осведомился более прозаичный Сигурд. – Не пустили, что ли? Кстати, тут по твою душу заяв-

лялся какой-то расфранченный молодчик, сказал, что у него есть для нас предложение...

– ...И что он будет ждать до четвертого колокола на набережной, в «Золотой миноге», – дополнила Колючка, вставая и оправляя платье. – Ну, я пойду, что ли? Работа – она, конечно, не дельфин, в море не уплывет, но жить-то надо. Всего хорошего, дорогой. Сигурд, отвяжись! До свиданья, господин капитан...

– Подожди, – остановил собравшуюся уходить Эболи Конан. – А вы оба поднимайтесь и марш на берег – собирать команду!

– Он, наверное, перегрелся, – меланхолично предположил Асторга, не делая даже попытки встать. – Капитан, ты чего? Да проще наше морское чудо своротить, чем затащить ребят на борт!

– Мы что, уходим? – взвыл Сигурд. – Не, Конан, ты точно свихнулся! Или кому-то понадобились наши головы?

– Вот именно, – и капитан «Вестрела» в подтверждение своих слов наградил обленившихся подчиненных парой легких, но чувствительных пинков. – Шевелитесь! К вечеру нас уже не должно здесь быть. Об остальном успеем поговорить в море, сейчас главное – убраться из гавани. Мне повторять второй раз?

– Лучше не надо, – Асторга с кряхтением поднялся на ноги. – Ладно, раз уж такое дело... Ты сейчас куда?

– Пойду узнаю, что за тип к нам наведывался и что ему

нужно, – отозвался Конан. – Заодно прогуляюсь по набережной, разыщу наших и пригоню сюда. Сигурд, ты не знаешь, где Зелтран?

– Боцман? – хмыкнул ванахеймец. – Как не знать? С раннего утра бросил якорь в «Стрелах» и хлещет за троих. Сходить за ним?

– Еще спрашиваешь! – рывкнул капитан и повернулся к терпеливо ожидавшей девушке: – Эболи, покажешь, где эта самая «Минога»?

Понятливая Колючка с готовностью закивала и вкрадчивым тоном заправской доносчицы сообщила:

– А я знаю того парня, что к вам приходил! Это Плоскомордый из Карташены.

– Да? – удивленно переспросил Асторга. – Что ж ты сразу не сказала? Мы б тогда его здесь оставили...

– Вы не спрашивали, – голосок Эболи был настолько ядовит, что любому становилось ясно, за какие достоинства товарки прозвали ее Колючкой.

– Если он из Карташены, то какого хрена ему понадобилось в Кордаве? – задал вполне резонный вопрос Сигурд, убиравший остатки столь внезапно прерванного завтрака на троих.

– Почему мне знать? – фыркнула Эболи. – Может, рассчитывает, что вы для него кого-нибудь прирежете. Хотя говорят, он сам кого хочешь прикончит и не поморщится.

Вовремя проснувшийся вахтенный догадался опустить

сходни, так что не пришлось прыгать второй раз – с борта карака на причал. Колючка, донельзя гордая тем, что ей по-счастливилось пройтись рядом с самим капитаном Конаном, окликала всех знакомых и усиленно стреляла глазками по сторонам. К ее глубочайшему разочарованию, возле «Золотой миноги» ей твердо пожелали счастливого пути. И даже слегка подтолкнули в спину.

Из-за обрушившейся на Кордаву летней жары содержатели почти всех трактиров и таверн на набережной вытащили столы на улицу, натянув над нами разноцветные холщовые тенты. Иначе никто не соглашался заглянуть в душное и продымленное помещение, отчего неминуемо страдала торговля и уменьшались доходы. «Минога» не была исключением – все десять столиков небольшой таверны выстроились в круг под ярко-желтым шатром с изображением рыбы, давшей наименование трактиру.

Несмотря на разгар дня и суету в гавани, в таверне сидел только один посетитель. Удобно развалившись на скамье, он прихлебывал вино со льдом и, прищурясь, рассматривал корабли в заливе. Точно приценивался, не прикупить ли парочку в хозяйство.

Никто в точности не знал, за что Эвана из Карташены прозвали Плоскомордым. Никакой очевидной плосколицести, свойственной, например, обитателям гирканийских степей или жителям далекого Кхитая, в нем не замечалось. Однако прозвище оказалось на редкость прилипчивым, и Эван

предпочел просто присоединить его к своему имени.

Ремесло Эвана, как и у большинства жителей Зингары, было связано с морем. Иное дело, что его промысел изрядно противоречил закону. Плоскомордый владел одномачтовой фелюгой с командой в десяток человек и был контрабандистом. Причем довольно удачливым, нахальным и умудрявшимся уходить от ответственности как перед представителями государственной власти, желавшими на годик-другой засадить его за решетку, так и перед признанными авторитетами сего нелегкого занятия.

Около года назад Эван Плоскомордый заставил говорить о себе почти все Побережье. Он рискнул перейти дорогу печально известному Зуге Молчальнику – главарю карташенского Прибрежного Союза, как обходительно именовали народ, промышлявший контрабандой. Рассказни о поединке старого Зуги и молодого, да раннего Эвана прямо на городской площади не утихали до сих пор.

После смерти Зуги Прибрежный Союз Карташены перешел под руку Плоскомордого. Как поговаривали, власть в городе теперь тоже принадлежала ему. Во всяком случае, сплетники называли Плоскомордого именно тем человеком, что дергает за скрытые ниточки и принимает решения. Эван оказался достаточно умен, чтобы не переусердствовать в укреплении своего влияния и не вызвать неприязни бывших компаньонов Зуги. Также он умудрялся не ссориться с законным губернатором Карташены, и его дела уверенно шли

в гору.

Это знали о Плоскомордом все, умеющие слушать, в том числе и Конан. И он не видел никаких причин для того, что процветающему контрабандисту из богатого провинциального городка приезжать в столицу, да еще и искать встречи с капитаном королевских корсаров... рискующим вот-вот угодить в опалу, если не успеет вовремя смыться.

Так что в «Миногу» Конан пришел из чистого любопытства. А также из-за упоминания города Карташены, возле которого, как говорила принцесса Чабела, «Вестрел» уже не раз нападал на суда под зингарским флагом. Может, предлагаемое Плоскомордым дело позволит заодно пошарить вдоль берегов и поискать, кому же это так жить надоело?

Герой Карташены оказался довольно молодым – не старше двадцати пяти. Плоскомордости, как уже было сказано, в нем совершенно не наблюдалось. Зато определение Сигурда «расфранченный» в точности соответствовало истине. Хотя в одежде молодого человека преобладал черный цвет, он с легкостью умудрялся привлекать к себе внимание окружающих. Во всяком случае, почти все проходившие мимо таверны женщины на миг задерживались, чтобы в зависимости от характера и положения либо зазывно улыбнуться, либо принять обманчиво недоступный вид.

«Слишком много о себе воображает, – решил Конан, входя под шелестящий на ветру навес „Миноги“ и усаживаясь напротив своего возможного работодателя. – Ну, и зачем мы

ему понадобились?»

Эван Плоскомордый отвлекся от созерцания чуть колышущегося сонного моря и, кажется, даже слегка дернулся, обнаружив за своим столом неизвестно откуда взявшегося постороннего человека. Физиономия у него оказалась, что называется, несколько глумливая, темные, чуть раскосые глаза смотрели не то с насмешкой, не то с вызовом. Ростом он не был замечателен – от силы три с половиной локтя, однако выглядел сильным.

Впрочем, выдержка у Эвана была на высоте – больше он ничем не выдал своего изумления. Слегка наклонил голову и невозмутимо осведомился:

– Надо полагать, я имею честь беседовать с... – он на миг замялся, подбирая слова, затем продолжил: – ...с известным капитаном Конаном Киммерийцем?

«Известный капитан» ограничился коротким кивком, еле слышно хмыкнув про себя. Плоскомордый безошибочно понял намек и перешел к делу:

– Мне сказали, что ты иногда берешься за выполнение поручений, которые можно назвать «необычными». Если у тебя сейчас нет неотложных дел, то как бы ты и твои люди посмотрели на предложение провести несколько дней в Карташене? У нас там происходят... всякие странности.

– Какие именно? – уточнил Конан, жестом подзывая пробежавшего мимо служку. Эван уставился сначала на далекий горизонт, затем на носки своих вычищенных до зеркального

блеска сапог, а потом неторопливо заговорил:

– С недавних пор начали пропадать корабли. Причем в такие дни, когда нет и не могло быть никакого шторма. Причем в краях, где не утонет даже ребенок и в виду побережья. Причем без всяких следов – обломков, выброшенных на берег тел и прочего. Мне продолжать?

– А какой груз? – поинтересовался Конан. Обычно причина любого таинственного исчезновения судна таилась в его трюмах. – Законный или?...

– Не без того, – с еле заметной полуулыбкой ответил Плоскомордый. – Однако не настолько ценный, чтобы ради него топить или захватывать корабль. Мы порядки Побережья знаем, а если это был кто-то из Союза – я с ним сам справился.

Эван произнес эти слова почти равнодушно, однако в них прозвучала отчетливо различимая нотка угрозы, и Конан мельком подумал, что вряд ли кто в Прибрежном Союзе Карташены осмеливается возражать своему молодому предводителю.

– Может, у вас под боком обосновался какой-нибудь бездельник с Барахас? – поразмыслив над услышанным, предположил Конан. Сказанное Плоскомордым выглядело весьма любопытным... и, если честно, непонятным. Раз он утверждает, что на пропавших кораблях не было ничего особенного, значит, так оно и есть. Тогда зачем понадобилось уничтожать корабли? Это делается только в одном случае –

когда ты натворил нечто из ряда вон выходящее и не хочешь оставлять возможных свидетелей.

– Возможно, – согласился карташенец. – Да только он рано или поздно чем-нибудь себя выдал. Например, зашел в деревню за провиантом или водой. Мои люди обшарили все побережье – никто ничего не видел. Да и сами корабли должны куда-то деваться! Если суда крадут и перепродают – они непременно бы появились в гаванях Аргоса или Шема! Но их нет, как морской змей сожрал!..

Плоскомордый внезапно замолчал, точно сболтнул лишнего, и уткнулся в кружку.

– Ну хорошо, – задумчиво протянул Конан. – Значит, пропадают корабли. А тебе-то до этого какое дело, если честно?

– В числе прочих исчезли суда, принадлежащие мне и моим компаньонам, – после некоторой паузы отозвался Эван. – Мне это не нравится. А еще... – он рассеянно побарабанил пальцами по столу и, наконец, решил:

– Я знаю, что прозвучит это ужасно нелепо, однако рыбаки и жители прибрежных поселков в один голос уверяют, что вот уже две луны, как возле устья Флеммы поселился какой-то жуткий водяной зверь, похожий на дракона...

– Чего? – от неожиданности Конан фыркнул в собственную кружку, расплескав часть содержимого по столу. – Кто, кто у вас завелся?

– Морской дракон, – убитым голосом повторил Плоскомордый и сделал движение, чтобы встать. – Ладно, я все по-

нял. Прошу прощения, что отнял твое время. Поищу кого-нибудь другого.

– погоди, не горячись, – остановил его киммериец, с трудом сдерживая смех. – Во-первых, я еще ничего не решил. Во-вторых, драконов не существует!

– Я знаю, – согласно кивнул Эван. – Но коли мне описывают зверя длиной в два десятка шагов, с парой крыльев и с огромной пастью, наспигованной зубами, я за неимением другого слова называю его драконом. Людям, которые мне рассказывали об этом существе, я доверяю – скорее всего, они в самом деле видели нечто похожее... В общем, свое предложение я высказал.

– Ты хочешь, чтобы мы попытались изловить или убить какую-то тварь, которая обитает неподалеку от вашего городишки и якобы топит корабли? – уточнил Конан. – А представляешь, сколько времени это займет? И как мы будем искать этого вашего морского дракона посреди океана?..

– Именно поэтому я решил обратиться к тебе, – безмятежно заявил Плоскомордый. – Говорят, у тебя как-то получается справляться с подобными вещами. Давай договоримся так: сейчас начало луны. Если к ее исходу вы никого и ничего не разыщете – значит, не судьба. Вдобавок, может оказаться, что никакого дракона действительно нет и не было, а корабли погибли от рук вполне реальных людей. Ты ведь возьмешься с ними разобраться? В любом случае, я оплачиваю все ваши расходы и плачу сверху ту сумму, которую ты

и твоя команда сочтете подходящей.

«Вот только охоты на дракона мне еще недоставало! – Конан сделал вид, что погружен в размышления, хотя на самом деле ему отчаянно хотелось от души расхохотаться. – Это ж какой визг поднимется на борту, когда ребята узнают, куда и зачем мы идем! Но с другой стороны – вдруг получится? Когда в последний раз кому-то из людей удалось прикончить дракона, настоящего дракона? Двести лет назад, триста? Все равно из Кордавы надо уходить, а тут такой подходящий случай... Соглашусь! Там посмотрим, что из этого выйдет.»

– Идет, – Конан пристукнул по столешнице кружкой. – Мы выходим из гавани сегодня вечером, к вашей Карташене доберемся дней через пять-шесть.

– Я еще задержусь в столице, – Плоскомордый старался говорить спокойно, но слышалось, что он одновременно и рад, и не верит тому, что корсар согласился на его невероятное предложение. – Постараюсь закончить свои дела как можно скорее. Встретимся через седмицу в Карташене.

Заключенный договор, как водится, был скреплен на месте взаимным рукопожатием договорившихся сторон, после чего новоявленные компаньоны разошлись по делам. Один отправился собирать загулявшую команду, второй ушел к складам торгового дома «Шерим и сыновья».

И, разумеется, никто из них не подозревал, к чему приведет необычный договор, заключенный в таверне «Золотая минога» на набережной славного города Кордавы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Жертва семейных традиций

В стране опять неладно,
Простимся до зари.
Последнюю балладу
Пока что повтори...

Менестрелю было паршиво. Он внезапно оказался лишенным почти всего из небольшого числа ценимых им вещей. К этим предметам относились: возможность петь, женское общество, наличие денег и хорошая компания.

В данный момент из сего скудного набора наличествовали виола черного дерева и два золотых дублона вкупе с несколькими медными монетками, чудом завалявшиеся в карманах.

Все остальное пребывало в уютном доме в паре кварталов отсюда. На встречу с поспешно брошенным имуществом в ближайшем будущем можно смело не рассчитывать. Вещи что, их потерю легко пережить, постепенно обзаведясь новым пригодным в дороге барахлом.

Но среди всяческого хлама, таскаемого с собой больше по привычке, чем из насущной необходимости, затерялся кошелек. Красивый такой кошелечек, черного бархата, расшитый серебряной нитью. С двумя десятками золотых монет офир-

ской чеканки внутри. Для кого-то такая сумма была мелочью на карманные расходы, но для кого-то – целым состоянием.

Без того унылая песня оборвалась, сменившись сердито насвистываемой мелодией похоронного гимна. Сердиться, собственно, было не на кого. Только на самого себя и на судьбу, решившую слегка пошутить.

А ведь все поначалу так хорошо складывалось!

...В конце нынешней весны странствующий бард Ди Блайи обнаружил, что по горло сыт Иантой Офирской и его творческой натуре настоятельно требуется сменить обстановку. Ианта, конечно, была прекрасным и богатым городом, но слишком многие его обитатели желали слегка подпортить физиономию Блайи, не спрашивая на это позволения.

После некоторых размышлений и подсчета имеющейся наличности Ди Блайи решил, что провести лето на Полуденном Побережье – не такая уж и плохая мысль. Вдобавок, он еще там не бывал, если не считать непродолжительного визита в Мессантию.

Сказано – почти что сделано. На прощание в «Бутоне лотоса» (небольшом, но весьма уютном и недорогом заведении) был устроен шумный кутеж, а еще через пару дней Ианта и Ди Блайи без особого сожаления распрощались друг с другом.

Настоящее имя менестреля, родившегося два с половиной десятка лет назад в маленьком пуантенском городке Блайи, вообще-то было Тейраз. Тейраз Рюделли, если вам угодно.

С течением времени название родного городка, по традиции присоединяемое к собственному имени, почти полностью вытеснило последнее. «Ди Блайи», собственно, и означало «родом из Блайи». Некоторые еще добавляли к этому прозвище «Потаскунчик». Блайи, услышав подобное наименование своей особы, всякий раз шумно возмущался и обвинял бесталанных собратьев по ремеслу, старающихся хотя бы по мелочам досадить более удачливому сопернику.

Родители Ди Блайи были мелкопоместными дворянчиками средней руки и пришли в ужас, узнав, чему собирается посвятить свою жизнь их горячо любимый первенец. Неизвестно, что повлияло на его решение. То ли сказки, выслушанные чрезмерно впечатлительным дитятей, то ли стремление любой ценой вырваться из-под опеки любящего старшего поколения.

– Вон из дома! – ревел Рюделли-старший и тут же противоречил сам себе: – Ты выйдешь отсюда только через мой труп!

Матушка, разумеется, рыдала в три ручья и пыталась примирить не в меру вспыльчивых отца и сына. К сожалению – а может, и к счастью – у нее ничего не получилось. Упрямый отпрыск в итоге оказался за воротами загородного поместья, помахал всем на прощание и, не слишком отчаиваясь, двинулся в Гайард – ближайший крупный город.

Вернулся он лет через пять. Не то чтобы прославившийся на все государства Заката и не то чтобы окончательно разо-

чаровавшийся в избранном пути. Скорее, немного поумневший, набравшийся опыта и изрядно призадумавшийся. Прожил в поместье около полугода, а затем снова ушел, не потрудившись сообщить, когда изволит вернуться.

Так и повелось – раз в год Тейраз навещался домой, приходил в себя, по привычке переругивался с отцом и младшим братом, ставшим законным наследником имения, доводил всех домашних до белого каления и исчезал. Иногда до Блайи докатывались не совсем правдоподобные слухи о его похождениях, и Рюделли-старший, окончательно смирившись с тем обстоятельством, что его старший сынок сошел с ума, махнул на него рукой. Пусть творит, что хочет.

Чем Ди Блайи вполне успешно и занимался.

Он здраво оценивал собственные силы. Конечно, ему никогда не тягаться с Ринальдо Аквилонским или туранцем Абу-ль-Муттаби. Но и посредственностью, вершиной чьих творческих потуг были рифмы «кровь-любовь» или «слезы-грезы», он себя не считал. Надо сказать, не без оснований. Весомым подтверждением его притязаний были звенящие в кошельке монеты и предложения задержаться на годик-другой при чьем-нибудь дворе. Однако Ди Блайи твердо решил осесть на одном месте только после того, как увидит все, достойное внимания в странах Заката. И не торопясь перебирался из города в город, из страны в страну следуя лишь собственным желаниям и любопытству.

Был в жизни Блайи еще один вечно неутоленный инте-

рес. Он любил женское общество. По мнению некоторых, даже слишком. Скорее всего, клеветники завидовали тому, что дамы всех сословий отвечали менестрелю взаимностью. Только вот их мужья и приятели совсем не понимали и не разделяли нежных чувств своих подруг.

Как и большинство уроженцев знаменитой полуденной аквилонской провинции Пуантен, Ди Блайи обладал привлекательной внешностью. «Просто красавчик» (как утверждали женщины), «смазливый до отвращения» (по мнению мужчин). Истина, как водится, лежала где-то посередине. А черноглазый, буйно темноволосый, всегда с насмешливой полуулыбкой Ди Блайи считал, что ему просто несказанно повезло родиться таким, какой есть.

Спасибо за это богам?

Конечно, спасибо! Какие могут быть возражения?

К началу лета Блайи – где своими ногами, где присоединясь к путешествующим торговцам – добрался до места слияния Алиманы и Хорота. Дальше перед ним открывались два возможных пути: вниз по течению Хорота, в Мессантию Аргосскую – либо с торговым кораблем, либо пешком по Дороге Королей, или через Рабирийские горы в Зингару. Первый путь привлекал своей легкостью, второй – загадочностью. Тракт через пользовавшиеся дурной славой Рабиры проложили совсем недавно и ездить по нему отваживались только большими караванами.

Один такой как раз пересек реку и ожидал, не примкнет

ли к нему еще кто-нибудь из местных торговцев. Золота Ди Блайи вполне хватило на то, чтобы оплатить место в караване, и дней через пять он пересек невидимую черту между двумя соседями и извечными соперниками – Аргосом и Зингарой.

Торговый обоз направлялся напрямиком в Кордаву. Блайи решил, что наведаться в столицу он еще успеет (и, наверное, останется там зимовать), а пока стоит прогуляться по окрестностям. Недаром же столько народу расхваливало ему красоты Полуденного Побережья!

Восхищенные рассказчики не обманули. Свернувший с большого тракта Блайи шел вдоль извилистой береговой линии, ночевал в маленьких рыбацких деревушках и пребывал в состоянии необъяснимого восторга. Вроде ничего особенного ему по пути не встречалось – скалистые обрывы белого известняка, рощи темно-зеленых кипарисов, поля, луга, деревеньки и небольшие городки – как в любой другой стране. Однако все здесь было настолько ярким, радующим глаз и каким-то праздничным, что привыкший с легкостью облекать все увиденное в слова Ди Блайи внезапно замолчал и лишь бездумно глазел по сторонам.

В какой-то из дней этого безмятежного путешествия неизвестно куда он выбрался на дорогу, мощеную красно-коричневым камнем. Дорога старательно взбиралась на пригорки, перепрыгивала через узкие бурные речки, и, наконец, вывела Ди Блайи на высокий крутобокий холм. Внизу, вытянув-

шлись вдоль закругленной пенной кромки неправдоподобно синего залива, лежал городок.

Городок из белого и желтого камня, утопающий в зелени и выглядевший необыкновенно нарядным и ухоженным. С вершины холма Блайи видел узкие улочки, стоявший отдельно большой дом голубоватого оттенка, окруженный пышным садом, и скопившиеся в здешней гавани корабли, казавшиеся издалека игрушечными лодочками. За закатной окраиной города извивалась серебряная лента широкой реки, впадающей в море.

– Хотелось бы мне здесь пожить, – вслух поделился с окружающими миром своими соображениями на будущее Ди Блайи. – Теперь еще узнать, куда меня занесло, и все будет просто замечательно...

Издалека донесся негромкий перестук копыт, и Блайи на всякий случай отошел на обочину – мало ли кто едет. Он хотел еще немного полюбоваться городом на побережье, прежде чем войти в него.

На дороге появился легкий прогулочный экипаж, запряженный парой серых лошадок местной породы. Блайи мимоходом подумал, что карета чересчур аляповато и ярко расписана, и окликнул возницу:

– Эй, любезнейший, как называется вон тот городок внизу?

– Карташена, приятель, – откликнулся возница, натягивая вожжи и замедляя ход без того не спешившей упряжки. –

Это тебе не просто городок, а столица провинции Антабрия, понял?

– Угу, – покладисто сказал Блайи. Настроения препираться у него не было. – А что это за река?

Выяснилось, что река называется Громовой или рекой Молний, но здесь ее предпочитают называть Флемма, что, в сущности, означает одно и то же. А также стало известно, что коли господин менестрель пришел в поисках заработка, то сделал он это на редкость вовремя. Почему? Да просто через седмицу в Карташене будет ярмарка, а какая ж ярмарка в Зингаре обходится без трех вещей – боя быков, доброй драки и хороших песен? И съедется на нее почти все провинция, так что скучать никому не придется...

После чего Ди Блайи, шагавший вровень с медленно катившейся каретой, в очередной раз мысленно поздравил себя с удачей. Ярмарка! Лучшего даже представить невозможно! Верный заработок, развлечения на любой вкус и отличное времяпровождение! Что еще нужно человеку для полного счастья?

Блайи всю трепался с кучером, оказавшимся редкостным болтуном, когда плотно затягивавшая окошко кареты светлая занавеска дрогнула и наружу выглянула весьма милостивая и юная особа. Ей наскучило прислушиваться к ведущемуся без ее участия разговору, о чем она не преминула капризно сообщить. Блайи незамедлительно вспомнил о своих хороших манерах, возница язвительно хмыкнул и по-

грузился в управление лошадьми, а дама кокетливо спряталась за огромным черным веером.

Звали ее Аниса, языколомного фамильного имени Ди Блайи не запомнил. Она была супругой здешнего торговца шерстью и сейчас ехала домой от живших за городом родственников. Ее муж отбыл на дальние пастбища – проверить, как идет подготовка к надвигающейся ярмарке – и должен был вернуться через три-четыре дня...

Еще она злоупотребляла духами с резким ароматом мускуса и питала неумеренное пристрастие к шемским сладостям. Ди Блайи предпочел закрыть глаза на эти маленькие недостатки. В конце концов, он был умным молодым человеком и прекрасно усвоил, о чем с женщинами можно и нужно говорить, а о чем стоит промолчать.

Карета, несмотря на кричащую раскраску, оказалась очень удобной. И путь до Карташены – не таким уж далеким.

Дом мужа госпожи Анисы, расположенный на окраине городка, показался Блайи обставленным несколько аскетически, но вполне пригодным для жизни. Сама Аниса при ближайшем знакомстве оказалась глуповатой, наивной и совершенно непредусмотрительной.

Эта непредусмотрительность обошлась Ди Блайи в двадцать золотых, брошенный скарб и изрядный испуг. Малышке Анисе даже не пришло в голову поставить кого-нибудь из доверенных слуг следить за подъезжающими к дому экипажами, и возвращение мужа ранее назначенного срока заста-

ло ее врасплох.

Наслышанный о чрезмерно строгих семейных порядках Зингары Блайи мгновенно принял единственное верное решение – удирать. Каковое немедля претворил в жизнь, захватив с собой те из вещей, что попались на глаза, и сиганув в первое же распахнутое окно. Как выяснилось позже, в числе спасенного имущества оказались его собственная одежда и виола, с которой Ди Блайи не расстался бы ни при каких обстоятельствах.

Под окнами рос на редкость колючий кустарник, из которого пришлось выпутываться под разносившиеся в ночной тишине заковыристые проклятия, обещания различных видов мучительной смерти и хныканье насмерть перепуганной Анисы.

Ночь Блайи провел в чьем-то саду; утром, злой и невыспавшийся, отправился на поиски гостиницы, постоянного двора или хоть какой-то крыши над головой. Карташена теперь казалась ему на редкость мерзким городишкой. Однако уходить из города с пустыми карманами накануне ярмарки – просто глупо. Ди Блайи остался. Его денег хватило, чтобы снять на пару дней комнату в маленькой таверне под названием «Островок блаженства», стоявшей неподалеку от гавани.

Что будет, когда эти два дня пройдут и деньги кончатся – Блайи решил не задумываться. Он обязательно отыщет какой-нибудь выход.

А пока Тейраз Ди Блайи, странствующий менестрель, сидел в пустующем нижнем зале таверны и злился неизвестно на кого. Чего, спрашивается, он нашел в этой уже начавшейся расплываться провинциальной дурочке? Да ничего, просто хотел пару дней отдохнуть как человек! Вот и отдохнул, называется...

* * *

Ди Блайи никогда мог заставить себя надолго сосредоточиться на размышлении об одном предмете. Как-то не получалось. Многие именовали его за это легкомысленным и зловеще предрекали, что рано или поздно он поплатится за нежелание думать о завтрашнем дне. Блайи в ответ понимающе ухмылялся или проникновенным голосом исполнял что-нибудь о мимолетности времени. Какой смысл в том, чтобы тратить свои лучшие годы на бесцельную злость по поводу неудачных поступков? Да и кто, собственно, виноват в случившемся?

Никто. Вот и нечего травить душу. Скажи спасибо, что смог благополучно удрать и посочувствуй бедной Анисе. Каково-то ей пришлось? Ничего, в следующий раз будет умнее...

На этой радостной мысли Ди Блайи счел свое маленькое

приключение завершившимся и с проснувшимся интересом огляделся по сторонам. Была середина дня, таверна почти пустовала, а вот с улицы уже довольно давно доносился непонятный шум. Приглушенно ржала лошадь, звякало и падало что-то железное, а недовольный голос убеждал коня хоть миг спокойно постоять на месте. Сначала Блайи предположил, что во дворе разгружается обоз, потом сообразил, что голос-то всего один и лошадь, похоже, тоже одна. Значит, кто-то приехал и собирается остановиться здесь.

Из-за жары дверь в трактир стояла нараспашку. В дверном проеме висело хитроумное сооружение из старой рыболовной сети и привязанных к ней пестрых ленточек, призванное не пропускать внутрь досаждающих посетителям мух и слепней. Неизвестный отодвинул сетку, став четким силуэтом на фоне слепящих лучей полуденного солнца. Прощел внутрь, скрипя подошвами по устилавшему пол светлomu песку, огляделся и слегка раздраженно крикнул:

– Есть кто живой?

«Я, – мысленно отозвался сидевший в дальнем (и самом прохладном) углу Ди Блайи. – Ну-ка, кто это к нам пожаловал?»

Вошедший оказался молодым (года на два-три помоложе самого барда), крепко сбитым, темноволосым и темноглазым парнем. Только, в отличие от Ди Блайи, он предпочитал короткую стрижку.

«Не торговец, – от скуки Блайи попытался угадать род за-

нятий нового посетителя „Островка блаженства“. – И вроде не наемник, хотя имеет отношение к военному делу. Просто путешественник? Ага, вон что-то вроде герба... Из благородного сословия? Может, на ярмарку приехал? И явно не местный – выговор другой...»

На изрядно пропыленной красной тунике незнакомца и в самом деле красовался герб – загадочный предмет, смахивающий на двуручный меч или жезл, из рукояти которого проросла пара крылышек. Вид у молодого человека был слегка замученный и потрепанный. Что неудивительно: ехать по такому солнцу через окрестные холмы – мало приятного.

На повторный – и уже гораздо более сердитый – призыв гостя наконец-то отозвалась выглянувшая из кухни служанка, привычно осведомившись:

– Чего прикажете?

– Поесть! – решительно потребовал молодой человек, усаживаясь за стол и звякая ножами длинного эстока о скамью. – Много!

«Еда – это замечательно, – Ди Блайи на редкость не вовремя вспомнил, что сам ел вчерашним утром. – Еда – это очень здорово... Особенно когда у вас имеется, чем за нее заплатить.»

– Что именно угодно месьору? – служанка, несмотря на очевидную молодость, оказалась на редкость дотошной особой.

– А что у вас есть? – немедленно последовало в ответ.

– Ну-у... – девица на миг задумалась, а затем начала перечислять блюда местной кухни. Ди Блайи непроизвольно сглотнул и сделал вид, что пристально рассматривает видневшийся в распахнутом окне кусочек сияющего под солнцем залива и стоящие в гавани корабли. – Значит, так. Морской угорь с мидиями в винном соусе. Соленые бычьи хвосты с тушеным рубцом. Бараний ливер в сальнике. Цыпленок на вертеле с сушеным виноградом и маслинами. Свиная корейка со сливами и...

– Всего и по две порции, – перебил гость. Служанка осеклась, но переспрашивать не решилась. Донельзя удивленный Блайи покосился на заказавшего такое количество еды гостя. Тот выглядел довольно поджарым и совершенно неспособным проглотить все требуемые блюда. – Еще вина. Как там его... «Золотая лоза», желательно трехлетней выдержки.

– С-сейчас, – слегка дрогнувшим голосом проговорила служанка и осторожно попятилась к кухонной двери. – Сейчас принесу...

Она подозрительно быстро скрылась в кухне и оттуда донесли приглушенные, яростно спорящие голоса. Загрохотали переставляемые тарелки и кастрюли, что-то зашипело, распространяя на редкость аппетитный аромат, а Ди Блайи подумал, не пойти ли ему прогуляться по морскому берегу. Вид желаемого, но недостижимого предмета всегда вызывал у него плохо сдерживаемое отвращение. Однако мысль о шатании на солнцепеке тоже не казалась привлекательной.

Поэтому он снова плюхнулся на скамью и уставился в окно.

Доставленный обед занял едва ли не весь стол и выглядел весьма привлекательно. Молодой человек довольно хмыкнул, вооружился коротким кинжалом и слегка погнутой двузубой вилкой, после чего приступил к безжалостному уничтожению заказанного. Получалось у него на редкость быстро и умело – любой бы смекнул, что трудится знаток своего дела. Блайи с тоской вздохнул и напомнил себе, что его личное состояние заключается только в двух дублонах, а надо дотянуть хотя бы до начала ярмарки.

– Некоторые от душевных терзаний напиваются в стельку, – обращаясь вроде бы к распахнутой двери, заметил молодой человек. – А я вот ем. И совершенно не могу этого делать, когда на меня пялятся такими голодными и несчастными глазами. Эй, там, в углу!

– Кто, я? – с опаской уточнил Ди Блайи. На редкость прожорливый едок, справившийся уже с половиной своего обеда, кивнул:

– Кто же еще? Я, кажется, немного перестарался с количеством. Если ничего не имеешь против угощения за чужой счет – можешь присоединяться... Ты что, бард без работы и без покровителя?

– И без денег, – дополнил список своих бед Блайи. – Хотя такое со мной редко случается. А от приглашений я никогда не отказываюсь. Особенно от выгодных.

Он подхватил лежавшую на скамье зачехленную виолу и

перебрался за стол незнакомца. Некоторое время в таверне раздавалось сосредоточенное и самозабвенное чавканье. Наконец, молодой человек тщательно очистил последнюю тарелку, удовлетворенно рыгнул и не без ехидства поинтересовался:

– Можно узнать, кого спасаю от голодной смерти? Добрый поступок – он, конечно, всегда добрый поступок, но все-таки...

Ди Блайи собрался было рассыпаться в извинениях, потом подумал и решил, что его новый знакомый не кажется таким уж рьяным блюстителем правил вежества. Значит, можно говорить по-человечески, а цветистые речи приберечь на потом.

– Меня зовут Тейраз Ди Блайи, – представился бард. – Ваш слуга и вечный должник...

– Влезать в неоплатный долг за одного цыпленка? – хмыкнул незнакомец. – Здорово! Если бы такое происходило на каждом постоялом дворе – за мной тащила бы целая куча слуг... А я – Маэль из рода Монбронов Танасульских. Танасул – это такой город в Аквилонии, – на всякий случай пояснил он и с неожиданной злостью добавил: – Таскаюсь тут по жаре, как проклятый... из-за семейных обычаев, будь они неладны!

Блайи только открыл рот, чтобы спросить, что плохого в соблюдении фамильных традиций, когда его новый знакомый подозрительно прищурился:

– Ди Блайи, Ди Блайи... Что-то я о тебе слышал... «Баллада о графе Эглете и двух его супругах» – не твое?

– Мое, – с гордостью признал Блайи. Эту вещь он действительно считал одной из лучших, хотя никому бы не признался, что первоначальную историю услышал на захудалом постоялом дворе от пьяного в лежку возчика. После чего навсегда утвердился в мысли держать уши открытыми и быть готовым подхватить любой разговор. Хорошая баллада – она ведь не из воздуха берется, что бы там не твердили о вдохновении и прочих высоких материях.

– Замечательная песня, – очень искренне сказал Маэль и вдруг, как о само собой разумеющемся, спросил: – А как поживает графиня Маргрета? Ну та, из Трипаиса...

Ди Блайи застонал. Эта совершенно нелепая история, в которую он ввязался по молодости и глупости, грозила раньше времени свести его в могилу. Она преследовала его с упорством идущей по свежему следу гиены.

Все началось с того, что два или три года назад один странствующий бард согласился за приличное вознаграждение написать свод лирических баллад, посвященных некой графине Маргрете. Что довольно быстро выполнил – дело нехитрое и давно освоенное до мелочей.

Довольный заказчик расплатился и отправился очаровывать даму своего сердца, сиречь прекрасную Маргрету. Вышло все наоборот – дама, до которой дошли некоторые слухи, прониклась нежными чувствами к подлинному сочини-

телю. Обозленный воздыхатель и родня дамы решили, что их удовлетворит только немедленное повешение или иной способ уничтожения Ди Блайи, который был с этим совершенно не согласен и спешно исчез из города.

Людская молва в силу необъяснимых причин прочно связала имена графини Маргреты и Блайи. Сама графиня, кажется, не имела ничего против подобных слухов, полагая их замечательным украшением своей репутации. А Ди Блайи было чрезвычайно обидно, что его выставили в качестве коварного соблазнителя женщины, которую он и в глаза-то не видел! Как-то невесело отвечать за преступление, совершенное не тобой.

– Не было никакой графини Маргреты, – отчеканил Ди Блайи. – Все это злобная клевета и домыслы завистников!

– А-а... – понимающе протянул Монброн. – Я так и думал. Правда, выражение лица у него было насквозь хитрющее – дескать, мы-то отлично знаем, что дыма без огня не бывает и коли ходят такие слухи, значит, что-то за ними наверняка стоит.

– Так что ты здесь делаешь? – Маэль смекнул, что лучше будет сменить тему разговора.

– Жду начала ярмарки, – кратко ответил Ди Блайи. Напоминание о событиях двухгодичной давности почему-то подняло в душе неприятный осадок.

– Ярмарка – это хорошо, – горестно вздохнул Маэль и потянулся за еще непочатым кувшином. – Все люди как люди –

на ярмарки ездят, за девушками ухаживают... Только я должен метаться туда-сюда, как безголовая курица!

– А зачем тебе метаться? – не понял Блайи, тут же забывая о своих душевных страданиях.

– Долгая и дурацкая история, – Монброн ножом подковырнул залитую черной смолой пробку. – И самым большим дураком в ней являюсь я. Вдобавок, еще и честным дураком, пытающимся защищать честь давно умерших предков. Пить будешь? Можно не спрашивать – и так ясно, что будешь...

Вместительные кружки быстро опустели, после чего заинтригованный Ди Блайи осторожно поинтересовался:

– Что же это за история такая? Или сие – страшный секрет, не выдаваемый первому встречному?

– Тоже мне секрет! – презрительно хрюкнул Маэль. – Таких секретов в любом приличном семействе двенадцать на дюжину!

Он обвел таверну слегка ословелым взглядом. На улице быстро темнело, и в «Островок блаженства» начали собираться посетители. Служанки теперь то и дело бегали в кухню, торопливо разнося еду и выпивку, а в общей зале стоял пока еще негромкий шум голосов. Ди Блайи тоже огляделся, по привычке решая: подходящий ли собрался народ, чтобы устроить небольшое выступление?

Несколько почтенных горожан с женами и подружками. Две уличные красавицы в пестрых шуршащих платьях, с глазами, подведенными черной краской чуть ли не до ушей.

Небольшая, но на редкость шумная компания моряков – прислушавшись к их разговору, Блайи понял, что они только-только бросили якорь в гавани Карташены. Местные рыбаки, уже успевшие изрядно набраться и теперь заигрывающие с заглянувшими на огонек красотками. Парень с собакой.

Этих двоих, похоже, здесь хорошо знали. Стоило им появиться на пороге, как к ним сразу же подбежала служанка, провела к пустовавшему столу, на котором точно по волшебству возникли фаянсовый кувшин и серебряный кубок. Под столом же неизвестно откуда взялось огромное медное блюдо, наполненное костями и мясными обрезками.

Ди Блайи с уважением посмотрел на собаку – крупного светло-рыжего зверя с тяжелой челюстью и мрачным взглядом маленьких красноватых глаз. На толстой шее псины красовался широкий ошейник с острыми бронзовыми шипами. Такую породу раньше разводили в Кофе для охоты на кабанов, а порой использовали в войнах...

Потомок бойцовых псов тяжело вздохнул, улегся под столом и занялся приглянувшейся костью. Его хозяин вроде бы полностью погрузился в изучение содержимого своего кубка, но Блайи показалось, что молодой человек исподтишка внимательно озирает зал таверны, отыскивая кого-то.

«Не лезь в местные темные делишки, – в очередной раз предостерег сам себя Ди Блайи. – Ничего хорошего из этого, как правило, не выходит. Лучше попробуем расспросить

этого Маэля из рода Монбронов, по какой причине он такой мрачный и что у них за странные традиции? Глядишь, узнаю чего интересного...»

Маэль с сожалением бросил взгляд на опустевший стол, на котором остались только пара кувшинов с вином, и негромко осведомился:

– Ну что, рассказать, почему я, в отличие от всех приличных людей, вынужден носиться по дорогам, как последний бродяга?

Голос у него был совершенно трезвый и слегка несчастный. Ди Блайи утвердительно кивнул и приготовился слушать, подумав, что, как ни странно, шумный и многолюдный трактир – самое подходящее место для того, чтобы излить душу первому попавшемуся человеку. Именно в трактирах можно услышать самые невероятные истории. Наутро рассказчик пойдет своей дорогой, слушатель – своей, а на их место придут новые, и все повторится...

Пожалуй, Ди Блайи ценил свое ремесло именно за возможность то и дело узнавать нечто невероятное.

* * *

– Это случилось очень давно, – голосом поднаторевшего в своем ремесле сказителя начал Маэль, но тут же сбился и

пояснил: – Точнее, лет пятьсот назад. Может, немного позже. Это вроде как семейная легенда, но записали ее лет через двести после случившегося, и потому в ней частенько встречаются неясные места.

– Легенда с четким указанием места и времени – всего лишь страница из летописи, – провозгласил Ди Блайи. – Познательно, но на редкость скучно. В хорошем предании должно быть как можно больше туманных мест и недосказанностей.

– Чего-чего, а этого добра в нем хватает, даже с избытком, – кивнул Монброн и продолжил: – Так вот, где-то пять центур назад Монброны, мои предки, правили недавно основанным городом Танасулом. Не знаю, какие из них были правители – наверное, всякие. Главное в том, что однажды в семействе родился мальчик, которого назвали Раэн. Раэн Монброн. Тут первое разногласие – где-то в хрониках сказано, что он был старшим сыном, где-то – младшим...

– Думаю, что сие обстоятельство не слишком важно для течения истории, – высказал свое мнение Ди Блайи. – Как я предполагаю, у этого ребенка была какая-то необычная судьба?

– Необычная, – грустно хмыкнул Маэль. – Легко сказано! От него и пошли все бедствия нашего рода. Дело в том, что Раэн мечтал стать магом.

– Странноватое желание, – заметил Блайи.

– Более чем, – согласился потомок Монбронов, но все же

заступился за далекого предка: – Однако какое тогда было время? Если не война между соседями или с пиктами, то восстание против королевской власти или какие неприятности. Надо было защищать свои владения и город, а не со всякой напастью можно справиться с помощью армии. В общем, Раэн вбил себе в голову, что непременно добьется своего, а он был очень упрямым человеком. И сообразительным. Ну-ка скажи, какие существуют способы обучиться волшебству?

– Найти учителя, разумеется, – предположил Ди Блайи. – Правда, многое зависит от того, какому богу служит твой наставник. Еще можно стать послушником в храме Митры, но это долго и, честно говоря, мучительно. Что еще? Поехать в Стигию...

– Исключено, – помотал головой Монброн. – Времена были не те. Короче, все имевшиеся в распоряжении Раэна средства требовали много времени, много усилий и почти везде для достижения цели нужно было отказаться от большей части мирских радостей. Ну, ты, наверное, знаешь – посты, бдения, никакого вина и вкусной еды, никаких женщин... Тошно, правда?

– Правда, – тоном знатока удостоверил кто-то за спиной Ди Блайи, но увлеченный повествованием бард не оглянулся.

– Ну вот, – торжественно изрек Маэль, – Раэн додумался, как поступить! Когда он рассказал о своем решении отцу, тот назвал его сумасшедшим и велел посадить под замок –

пусть посидит и образумится.

– И что же он придумал? – задал ожидаемый вопрос Блайи.

Монброн помолчал, отхлебнул из почти опустевшей кружки, глубоко вздохнул и еле слышно сказал:

– Он пошел к драконам.

– К кому? – переспросил Ди Блайи, уверенный, что ослышался.

– К драконам, – сердито повторили сзади. – Ты что, скальд, глухой? А где он их отыскал? К тому времени ихнее змеиное племя ведь почти под корень извели...

Блайи покосился через плечо и с удивлением обнаружил, что у них появились слушатели. Во-первых, несколько сидевших поблизости горожан, во-вторых, ярко-рыжий здоровенный парень варварского обличья, пришедший в таверну вместе с шумной компанией морских волков. Теперь он перебрался за их с Монброном стол и с интересом слушал семейное предание, считая своим долгом вмешиваться в рассказ.

– Извели, – согласился Маэль, видимо, согласившись на общество непрошеного собеседника. – Но не всех и не везде. Гивров перебили без остатка, это да. Линдвортов тоже...

– Кого-кого? – снова переспросил Блайи, чувствуя, что речь зашла о предмете, в котором он мало что смыслит. Драконы для него были не более чем жутковатым преданием, дошедшим из глубины минувших лет.

– Это разновидности, – авторитетно пояснил Монброн. – Гивр – водяной дракон, без крыльев и лап. Просто очень большая змея. Линдворт тоже бескрылый, но у него есть пара передних ног. Они обычно водятся в болотах или заросших озерах, и воруют скот...

– Всегда думал, что все драконы на один лад, – задумчиво протянул рыжий, потряхнув давно нечесаными длинными патлами. – Слышь, почтенный, а какие они еще бывают?

– Амфинтеры, – назвал Маэль. – Или горные драконы. Эти крылатые. Правда, ноги у них не растут. Любят собирать драгоценные камни или золотые предметы и лежать на них...

«Интересно, зачем дракону золото? – спросил сам у себя Блайи. – Этот мотив навязчиво повторяется в любой легенде... Зверь же не может использовать имеющиеся ценности по прямому назначению. Может, они просто ими любятоя? Или едят? Или им важно само обстоятельство владения сокровищами?»

– Потом еще есть виверны, не самые крупные, но наиболее опасные, – видимо, Маэль хорошо изучил давно исчезнувший род драконов и его породы. – Имеют пару крыльев, длинный хвост, обычно свитый в спираль, и переднюю пару лап. В момент нападения плюются огнем или ядом. Большинство преданий о сражениях с драконами повествуют именно об этих существах... И, наконец, геральдический дракон! Огнедышащий, с крыльями, четырьмя лапами и огромных размеров. Их всегда было мало и, судя по всему,

они были старейшими в роде драконов. Во всяком случае, все прочие виды беспрекословно подчинялись им. Есть мнение, что геральдические драконы были не просто древними и разумными животными, владеющими искусством волшбы, но чем-то иным, неизмеримо большим...

– Ты лучше историю доскажи, – напомнил рыжий. – Между прочим, меня называют Сигурдом из Ванахейма. Это так, к слову. Тебя я знаю, – он кивнул в сторону Ди Блайи. – Ты Блайи, бродячий скальд из Пуантена. Кстати, как здоровье твоей подружки, этой самой... Маргреты?

– Она не моя подружка! – взвыл доведенный до отчаяния Ди Блайи. – Я ее вообще не знаю! И никогда не знал!

– Тогда чего орешь? – вполне разумно заметил Сигурд. – Я же просто спросил. Все вы, скальды, какие-то чокнутые...

– Если тебе в каждом городе будут задавать один и тот же вопрос, то посмотрю, каким ты станешь, – сердито пробурчал себе под нос Блайи.

– Маэль Монброн из Танасула, – назвался молодой дворянин и выразительно посмотрел на свою пустую кружку. Ее немедленно наполнили. – Так на чем я остановился?

– На том, что Раэн решил пойти к драконам, – напомнил Ди Блайи. – Только где он их нашел? И каких именно из этого обширного перечня?

– Геральдических. Они всегда – во всяком случае, так сказано в летописях – жили неподалеку от земель Монбронов. Их было целое семейство или стая – в общем, несколько

штук. Пятеро или шестеро – вожак, его подруга и их детеныши. Они обитали в лесистых холмах и старались держаться подальше от людей. Конечно, они охотились на дичь и на домашний скот, но никогда не брали больше, чем требовалось для еды. Иногда в замке и в городе видели, как они кружат в небе над лесами... – в карих глазах Маэля появилось на редкость мечтательное выражение. – Наверное, это было очень красиво.

Ди Блайи тоже подумал, что такое зрелище должно быть весьма впечатляющим. Только он сам предпочел бы любоваться им издалека.

– Конечно, Раэна уговаривали, – продолжил свое повествование Монброн. – Твердили, что драконы растерзают его, как только он приблизится к их гнездовью. Или заколдуют. Или просто не станут разговаривать. Мол, они – Первые, а на смертных им плевать с высокой башни. Точнее, с высокого холма. Тем не менее, он отправился в леса. Семейство заказало молебен по его пропавшей душе и заранее приготовилось к худшему...

Маэль прервался ради нового глотка. Слушатели терпеливо ждали.

– Прошла луна или две, и Раэн вернулся. Живой-здоровый и с приятелем. В приятеле было шагов десять длины. А еще у него имелась пасть, утыканная зубами длиной с хороший кинжал, хвост толщиной с доброе полено и пара крыльев, поднимавших небольшую бурю, когда он разворачивал

их, чтобы погреть на солнышке. Это был младший из драконьего семейства. То есть он называл себя младшим, а на самом деле мог родиться в день гибели Атлантиды. Неизвестно, как Раэн смог с ним договориться, но тут все легенды единодушны – человек и дракон были друзьями. Дракона называли Геллир – Золотистый. Он был то ли желтого, то ли бронзового цвета...

– И что, твои предки согласились жить рядом с эдакой тварью? – недоверчиво спросил Сигурд.

– А что им оставалось? – ответил вопросом на вопрос Монброн. – Кроме того, дракон не высказывал злобных намерений и приносил очевидную пользу.

– Значит, Раэн стал магом? – поинтересовался Ди Блайи.

– Да, – кивнул Маэль. – Дракон поделился с ним своей Силой или как она там называется. В-общем, Раэн добился своего и какое-то время все были довольны. Дракон жил в замке Монбронов, соседи, услышав о таком защитнике, присмирели, Танасул разрастался и богател... А все сгубило людское честолюбие и стечение обстоятельств.

– Раэн захотел большего, – догадался Ди Блайи. Знакомый поворот событий. Об этот подводный камень разбиваются все благие начинания. – Видимо, у него уже имелась власть над людьми, а он пожелал власти над драконом?

– Не только пожелал, но и почти заполучил, – подтвердил мысли барда Монброн. – Дело в том, что у драконов начались неприятности. Людей стало слишком много, они выжи-

вали зверей с исконных гнездовий, им приходилось переселяться, а все подходящие для проживания земли, конечно, были уже заняты. И Геллир, опасаясь враждебно настроенных сородичей, отдал на сохранение своему другу-человеку какую-то вещь, очень ценную для драконов. От нее каким-то образом зависело продолжение их рода. Легенды не объясняют, что это было, – извиняющимся тоном добавил Монброн. – Раэн поклялся, что в случае необходимости вернет этот предмет законным владельцам. И время настало – семья Геллира была изгнана из холмов. Кто-то из них погиб – то ли чужие драконы убили, то ли люди. Дракон потребовал вернуть сокровище их рода и, разумеется, Раэн не вернул.

– Рискованно, – высказался Сигурд. – Смело, но рискованно.

– И что, дракон это проглотил? – поинтересовался Блайи.

– Насколько я понимаю, дело обстояло так: или дракон соглашается стать слугой Раэна, или может убираться на все четыре стороны, – медленно проговорил Маэль. – Старая дружба была позабыта. И то, что свое могущество Раэн получил именно благодаря дракону, тоже забылось.

– Я бы на месте дракона обиделся, – заявил Сигурд. – Очень обиделся.

– А дракон улетел. Ничего не сказал, развернулся и улетел в холмы, – внушительно сказал Монброн и потянулся за кружкой. – Раэн стал правителем Танасула и, кстати, сумел осуществить свою мечту. Он всегда хотел создать оружие,

могущее противостоять любой магии. Если верить легендам, у него получилось. Только не спрашивайте, где это оружие сейчас находится и сколько его было. Где-то затерялось... Раэна с тех времен прозвали Раэном Танасульским. Говорили, что для своего времени он был величайшим магом. Так вот, прошло пять долгих лет...

– Геллир вернулся? – теперь Блайи точно знал – он сделает из семейной легенды балладу. Таковую, что завистники ахнут, чувствительные девицы зальются слезами, а все остальные забудут дышать. Остается только узнать, чем все закончилось. Впрочем, он волен придать истории любое завершение, какое будет ему по вкусу и какое ожидают его слушатели. Остается прибавить пару-тройку персонажей, придумать несколько ярких черт характеров мага и дракона, разбавить сухое изложение давних событий лирической историей – и готово!

– Вернулся, – кратко подтвердил Маэль.

– И уж наверняка не затем, чтобы пожелать старому другу доброго утра, – язвительно предположил Сигурд. – От города как, что-нибудь осталось?

– Город почти не пострадал, зато в нашем древнем поместье сгорело все, что могло гореть, а что не могло – расплавилось или испарилось, – сухо сказал наследник Монбронов. – Погибли все, кто в то время был в замке – слуги, дружина, родственники, гости...

– А маг и дракон? – нетерпеливо спросил Сигурд. – Что

стало с ними? Кто победил?

– Их не нашли, – после долгой паузы сказал Маэль. – Ни тел, ни каких-либо останков, ни-че-го! И предмета, из-за которого заварилась вся каша, тоже не нашли!

– Как – не нашли? – не понял Ди Блайи. – Даже если в крепости был пожар, хоть что-то должно было остаться!

– Осталось множество обгоревших трупов и хорошо прокопченный замок, который было невозможно восстановить, – невозмутимо уточнил Монброн. – А Раэн и Геллир исчезли.

– У-у... – разочарованно протянули слушатели. Общее мнение высказал Сигурд:

– Хорошая сага, но... Без конца. Кто-то должен был погибнуть, а кто-то победить. Либо дракон, либо волшебник. Иначе не бывает.

– Не бывает, – очень серьезно сказал Маэль. – Но я еще не договорил. Дело в том, что после гибели Раэна уцелевшие Монброны дали клятву мести – уничтожать всех драконов. И старательно исполняли ее в течение почти пятисот лет. Потом драконы перевелись. А теперь, по слухам, объявились снова.

– И что? – Ди Блайи уже догадывался, что услышит в ответ, но не удержал язык за зубами.

– А то, что я – Монброн, – с тоской сказал молодой человек. – Значит, эта дурацкая клятва пятисотлетней давности распространяется и на меня. И то, что на Полуденном Побе-

режье уже несколько раз видели огромное крылатое животное, которое может быть только драконом. И еще то, что мне предстоит эту подлую тварь отыскать и каким-то способом прикончить! Понятно?

– Вот это я и называю – «не повезло», – сочувствующе протянул Сигурд. – Влип ты, почтенный, по самые уши. Не спорю, исполнение клятвы предков – достойное дело, но ты хоть представляешь, с какого конца начинать?

– Нет, – уныло признал Маэль. – Но, во всяком случае, я попытаюсь. Скорее всего, все закончится тем, что я выставлю себя полнейшим болваном. Но я уж как-нибудь это переживу. Будет что рассказать детям: «Представляете, ваш папочка был настолько глуп, что поверил слухам и отправился к берегам Закатного Океана – ловить несуществующего дракона!»

– Можешь не горевать – на Побережье отыскались еще несколько подобных дураков, – неожиданно зло буркнул Сигурд и встал: – Спасибо за рассказ. Захотите повеселиться – пересаживайтесь к нам, – он махнул рукой в сторону шумно радующейся жизни морской братии.

– О чем это он? – недоуменно спросил Ди Блайи. – Объявлен сезон охоты на драконов? Почему я ничего не слышал?

– Понятия не имею, – Монброн, похоже, впал в черную тоску, развеять которую были не в состоянии ни обильная еда, ни выпивка. – Ерунда все это. Вот плюну и поеду домой...

Блайи медленными движениями расчехлил виолу, взял для пробы несколько аккордов, потерявшихся в общем гаме таверны. Ему очень понравилась поведанная история. Однако бард был полностью согласен с этим неизвестно откуда свалившимся жутковатым северянином – у сказания семейства Монбронов не было достойного завершения. И Блайи, твердо решившему превратить случайно услышанную повесть в рифмованные строчки, пока не приходило в голову ничего подходящего. Развязка, при которой погибали все действующие лица, его совершенно не устраивала.

...За шумом разговоров никто не заметил, как просидевший весь вечер в углу молодой человек, чьим единственным спутником и собеседником была мрачная бойцовая собака, поднялся. Оставив на столешнице горсть серебряной мелочи, он прошел к двери и выскользнул во двор.

Снаружи плыла душная черная ночь, наполненная далеким шорохом прибоя и мельтешением крупных зеленоватых светляков. Из таверны донесся перезвон виолы и бархатистый, несколько вкрадчивый голос менестреля – похоже, Ди Блайи все же решил блеснуть своим искусством. Или его уговорили.

– Драконы, – задумчиво проговорил молодой человек. – А также василиски, оборотни и прочие грифоны. И вдобавок герои, доблестно изводящие всю эту нежить и нечисть. Чинка, тебе не кажется, что в нашем милом городке скоро стрясется нечто превесьма любопытное?

Собака уселась, поскребла лапой бок и громко фыркнула, сморщив маленький курносый нос.

– Рад, что у нас с тобой такое паразитальное единодушие в этом вопросе, – ехидно отозвался молодой человек. – А как полагаешь, кое-кому было бы интересно выслушать наше мнение по этому поводу?

Пес дернул обрезанными ушами и вскочил, старательно завиляв обрубок коротенького хвоста.

– Надо понимать, что ты готова немедленно мчаться и докладывать хозяйке? – уточнил странноватый владелец пса. – Ну что ж, пошли, прогуляемся...

Он оглянулся на распахнутую дверь «Островка блаженства», из которой падали косые оранжевые отсветы факелов, свистнул собаке и уверенно направился вверх по темной улице. Пес тяжелой трусцой бежал чуть впереди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Превратности морских дорог

Как известно, в море – особенно вдали от берегов – трудно найти какой-либо зримый ориентир. Однако все, бороздящие волны Закатного океана, давно уже изобрели множество хитроумных средств определять как местонахождение, так и примерную скорость корабля. С установлением требуемого места и желаемого направления дела обстояли несравненно легче. Достаточно поднять голову к небу (желательно ночному) и отыскать несколько всем известных созвездий – вот тебе и указание необходимого пути. Днем для той же цели служат солнце, облака, ветер, цвет забортной воды, форма волн... Да почти все, что угодно – только умей смотреть по сторонам.

Дела с исчислением скорости обстояли намного хуже. Во-первых, она зависела от изменения любой мелочи. Во-вторых, как уже было сказано, в океане очень трудно разыскать нечто постоянное и достаточно заметное издали, могущее послужить точкой отсчета.

Однако умные головы и здесь нашли выход из положения. Придуманый ими способ счисления, конечно, не был лишен недостатков. Его можно было применять только во время тихой погоды (а лучше всего – при полном штиле) и, ра-

зумеется, всегда приходилось делать поправку на искривление волн, неравномерность гребли и налетающий ветер. Однако получаемый ответ примерно соответствовал истине.

Этим утром на галере под названием «Джелико» – судя по изрядно вылинявшему флагу на корме, принадлежавшей Зингаре – занимались именно тем, что пытались высчитать скорость хода. Обстоятельства как раз благоприятствовали – десять пар равномерно поднимавшихся и опускавшихся весел толкали галеру по еле заметно волнующемуся морю в обычном походном темпе. Мерно и гулко стучал барабан, задающий ритм движения: на каждые шесть ударов обмотанных войлоком палочек по выдубленной овечьей коже – один неторопливый взмах длинных весел. Под изогнутым форштевнем галеры то и дело вырастал небольшой пенный бурн, с еле слышным журчанием разваливавшийся на две половины.

Над блестящей водной рябью с пронзительным свистом пронеслась тяжелая стрела, увлекая за собой быстро разматывавшуюся тонкую бечевку, длиной в половину стадия. Через равные промежутки – около локтя – на бечевке раскачивались выкрашенные в красный и желтый цвет рыбы пузыри.

Стрела с плеском зарылась в воду, нос галеры поравнялся с началом поплывшей по воде бечевы. На палубе звонко забулькали капли перевернутой клепсидры, перетекая из верхнего резервуара в нижний. Унылый и сонный голос на-

чал неспешный отсчет:

– Один... Два... Три...

На числе «тридцать» галера полностью миновала вытянувшуюся почти по прямой веревку, и кто-то из команды «Джелико», перегнувшись через борт, зацепил ее багром и втянул обратно. После недолгих расчетов было достоверно установлено: галера делает три узла. Может быть, три с половиной – принимая во внимание небольшое волнение, сбившее бечевку. Не такая уж и плохая скорость для изрядно нагруженной и низко сидящей в воде посудины, чьи лучшие дни остались в далеком прошлом.

Судя по всему, галера совершала обычный в здешних краях переход. Выйдя рано утром из удобной Карташенской гавани, она к полудню должна была миновать россыпь крохотных необитаемых островков, обозначенных на лоции прибрежных вод под общим именем «Черные Камни», а с наступлением сумерек причалить в порту Сеуты – соседки Карташены. Это был давно освоенный и привычный всем торговым судам путь, позволявший обойти приморские города и поселки Зингары, либо добраться до устья Хорота – к Мессангии.

Единственное обстоятельство, отличавшее «Джелико» от подобных ей кораблей и наверняка заставившее бы постороннего наблюдателя призадуматься над действиями капитана и рулевого судна – странное рысканье галеры. Она точно не спешила доставить заказчику находящийся в ее трю-

мах груз: то и дело останавливалась, порой приближалась к берегу, порой удалялась, а однажды вернулась к уже пройденному месту и немного покружила над ним. Создавалось впечатление, что находящиеся на галере люди что-то разыскивают – то ли на морской поверхности, то ли в глубинах. Только что можно искать на давно известном и вымеренном вдоль и поперек мелководье, вдали от жемчужных отмелей и рыбных банок?

– ...Это не корабль, – вернувшийся с юта Сигурд едва сдерживался, чтобы в нарушении всех неписаных морских законов и примет не плюнуть за борт. – Это... Это лоханка с дерьмом, вот что!

– С поросычьим дерьмом, – уточнил ехидный юношеский голос, раздавшийся откуда-то сверху, с плоской кормовой надстройки. На этой довольно обширной площадке, частично закрытой холщовым тентом, размещались келевст с его барабаном, рулевой, а также громоздилось непонятное угловатое сооружение высотой в половину человеческого роста, тщательно укутанное мешковиной. Еще там околачивался Пако, юнга с «Вестрела», которому полагалось наблюдать за горизонтом и вообще за всем, что творится вокруг, и который, разумеется, злостно пренебрегал возложенной на него обязанностью.

Надстройку и верхнюю палубу соединял короткий узкий трап. На его нижней ступеньке сидел Конан и то ли дремал, то ли делал вид, что дремлет. Во всяком случае, он ничем

не показал, что слышит возмущенные высказывания своего рулевого.

– Я с самого начала твердил, что это дурацкая затея! – Сигурд плюхнулся на нагретые доски нижней палубы неподалеку от капитана. – Ты бы еще предложил пойти к Антилии и половить кракена!

– Зачем обязательно кракена? – Пако твердо решил принять участие в беседе и свесился через ограждение надстройки. – Он кусачий. И большой слишком – как бы мы его в Кордаву тащили, на веревке? А вот прошлым годом на Морском базаре показывали настоящую русалку. Правда, уже дохлую – ее в тесной бочке держали, вот она и померла. Я у хозяина спрашивал – он сказал, что она попалась в рыбацкую сеть возле Мерано. Вот бы нам изловить такую же! Представляешь, сколько бы за нее заплатили!.. Или мы бы ее подарили Фердруго – пускай в пруду плавает.

– Еще можно на белого кита поохотиться, – немедля подхватил Сигурд. – Есть такой – одноглазый, с кабельтов длиной, уже три десятка кораблей утопил...

– Не, киты сюда не заплывают, – очень серьезно возразил Пако. – Слишком тепло. Зато на отмелях рядом с Сиптахой видели морского змея. Его тоже можно попробовать выудить, только для наживки нужен целый бык. Лучше всего еще живой, чтобы дергался и мычал.

– Ага, – поддержал ванахеймец. – Купим по дешевке старую корову, запихаем в сеть, выбросим за борт и будем тя-

нуть за собой. Обязательно клюнет!

– Сигурд, – не открывая глаз, лениво проговорил Конан. – Если ты сейчас же не заткнешься, я сделаю наживку из тебя. Кто-нибудь наверняка польстится – если не морской змей, так акулы.

Рулевой «Вестрела» и Пако послушно замолчали. Впрочем, их терпения хватило ненадолго – стоявшая на юте галеры клепсидра вряд ли успела уронить больше десятка капель.

Теперь Сигурд решил сменить тактику и перейти от насмешек к разумным, как ему казалось, доводам. Для начала он прикрикнул на Пако, велел юнге заниматься своим делом, а не валять дурака. Затем прогулялся на ют и лично обозрел горизонт, на котором не имелось ничего, кроме парочки белесых облаков и нескольких темных пятен по левому борту – верхушек приближающихся Черных Камней. После чего с чувством полностью выполненного долга вернулся, снова уселся и заговорил, обращаясь вроде бы к самому себе:

– Ну хорошо, ввязались в дурацкое дело – так ввязались. В конце концов, не в первый раз. Но с чего мы решили, что этот Плоскомордый не врет? Или что ему не наврали? Кто вообще слышал про эти самые пропавшие корабли? Кто видел, как они из гавани выходили? Может, Плоскомордый их сам утопил, а мы теперь, как дураки, ловим ветер в море. Во в Кордаве-то посмеются, когда мы вернемся!.. Скажут – на «Вестреле» совсем сдурели, за драконами пошли гонять-

ся! Каждый встречный-поперечный ведь поинтересуется – как, мол, поохотились? А мы будем сидеть смиреннько и помалкивать. Потому что, видите ли, у нашего капитана в голове мысли всякие бродят. Ему, понимаете ли, приспичило прославиться – не кого-нибудь, дракона ухлопать! Вот прославимся, так уж прославимся... На всю оставшуюся жизнь. Тьфу!

И Сигурд все-таки не удержался – смачно плюнул за борт, в зеленоватые невысокие волны.

– Не плюйся, – по-прежнему не открывая глаз, сказал Конан. – И вообще, коли ты такой умный – чего ж тогда молчал?

– Потому что, как помнится, ты у нас капитаном, а не я, – язвительно отпарировал ванахеймец. – Так что решения принимать тебе, и отдуваться тоже тебе. Откуда мне знать, что вы там с этим Эваном Плоской Рожей напридумывали?

– Конечно, неоткуда, – Конан решил, что продолжать прикидываться спящим и дальше не имеет смысла. Все равно никто не поверит, что можно спать и одновременно переругиваться. – Ты ж полный вечер протрепался с этим... как его, ну, пел который. И с его приятелем.

– Все лучше, чем слушать ваши бредни, – огрызнулся Сигурд и без всякого перехода сообщил: – Кстати, этот парень, дружок скальда, тоже чокнутый, как и вы с Плоскомордым. Знаешь, зачем он сюда приехал? В жизни не догадаешься – дракона убивать! Его предки поклялись, что будут изничто-

жать этих гадов, вот он и хочет исполнить клятву...

– Ну и пусть убивает на здоровье, – равнодушно зевнул киммериец. – Чего ты ко мне-то привязался? Посидеть спокойно не даешь, все чего-то возмущаешься...

Сигурд помолчал, глядя на все увеличивающиеся очертания Черных Камней – теперь стали отчетливо видны два пустынных островка и узкая щель пролива между ними – а затем негромко сказал:

– Торчим на дурацкой плоскодонной лоханке, ловим какое-то чудище... Мы ж задатка не получали, а с Плоскомордым договоримся как-нибудь, он вроде человек свой и с понятием. Давай бросим эту затею, а? Вернемся, заберем «Вестрел» и уйдем к Шему, купчишек пугать... Ну не нравится мне эта ваша придумка! Хоть ты тресни, а не нравится! И Асторга тоже хорош – советчик выискался!

В чем-то Сигурд был, безусловно, прав.

План по отлову дракона, бывший в равной степени творением Конана, Плоскомордого и отчасти уверовавшего в происходящее Асторги, родился два дня назад, вечером, в уютном карташенском кабачке под названием «Островок блаженства».

Как и было обговорено в Кордаве, «Вестрел» спустя седмицу прибыл в город возле устья Громовой реки – зажиточную, цветущую Карташenu, столицу богатой провинции Антабрия. Эван, ехавший берегом, добрался до родного города ненамного раньше и встречал карак на берегу. Гавань

почти пустовала – несколько рыбацких баркасов и торговых плоскодонок, вездесущие шемитские торговцы, неудачно попытавшиеся замаскировать национальную принадлежность своего судна флагом Куша да приткнувшаяся к самому берегу небольшая военная галера, настоятельно нуждавшаяся в ремонте.

Часть команды «Вестрела» осталась на борту, кто-то решил прогуляться в город, а Плоскомордый потащил Конана со товарищи знакомиться с местной кухней и заодно – с подробностями обрушившихся на мирную Карташenu неприятностей.

Как выяснилось, за время отсутствия Эвана обстоятельства изменились к худшему. Неведомо куда подевалась тридцативесельная аргосская галера с грузом вин, тканей и пшеницы на борту. Она покинула Карташenu при полном безветрии, капитан намеревался пройти вдоль берега, задержаться на пару дней в Сеуте, а оттуда прямым путем направиться в Мессантию.

Из Карташены галера-то вышла, но в Сеуту не пришла. И вообще ее больше не видели.

Предусмотрительный Эван притащил с собой довольно подробную и хорошо выполненную карту побережья, изображавшую участок от устья Флеммы до устья Хорота. На карте были обозначены и примерные места исчезновения судов – несколько точек неподалеку от слияния Флеммы и океана, еще две – лигах в трех от берега, и штуки четыре или пять –

возле группы островов под названием Черные Камни.

После долгого и вдумчивого разглядывания карты Асторга высказал предположение: не мог ли кто-нибудь скрываться на Камнях и совершать оттуда вылазки?

Плоскомордый отрицательно покрутил головой: на Черных Камнях нет пресной воды, они слишком маленькие, чтобы за ними укрыть корабль, и, наконец, местные рыбаки недавно обшарили острова и ничего не обнаружили. Да и вообще это не острова, а одно название. Так, горки валунов, торчащие посреди моря.

Конан, успевший прикончить один кувшин с аргосским и принявшийся за второй, буркнул, что если возле берегов действительно поселился какой-то хищный морской зверь, то не нужна ему пресная вода и он с легкостью мог остаться незамеченным людьми. Нырнул – и привет!

Плоскомордый сказал, что для обитания животного – достаточно крупного и сообразительного – острова как раз подходят. Вокруг них прогреваемое солнцем мелководье, много рыбы и есть его спрятаться...

Асторга со смешком предложил отправиться к Черным Камням и устроить подобие рыбной ловли на живца. Скажем, зарезать несколько овец и тащить их на буксире за кораблем. Таким способом ловят досаждающих искателям жемчуга и рыбакам акул. Если животное существует, оно наверняка почует запах крови и приплывет. Тогда можно будет попытаться его убить. Другое дело, если это существо

родственно не только морским змеям и, например, умеет летать...

Эван надолго призадумался. Окончательно потерявший интерес к разговору Сигурд обозвал будущих охотников за драконами «ударенными Имиром», выбрался из-за стола и отправился искать более жизнерадостных собеседников (точнее, собутыльников). Конан заявил, что скрывающееся в море чудовище может догадаться, что его ловят и не приплыть.

В глазах Плоскомордого неожиданно вспыхнул азартный огонек и он предложил иное решение. Кажется, животное за что-то невзлюбило торговые корабли? Отлично, почему бы не сыграть на этом? Снарядим галеру, спрячем на ней привыкший к различным передрягам экипаж «Вестрела», распустим в городе слухи о ценности перевозимого груза (на тот случай, если никакого дракона нет, а орудуют обыкновеннейшие морские грабители) и отправим приманку в море. Пускай пройдет по всем местам, где вроде бы видели морское чудовище.

Асторга заявил, что это чистой воды безумие, но голос у него был какой-то неуверенный, точно он хотел, чтобы его переубедили.

Конан поинтересовался, можно ли в Карташене раздобыть требуемое судно. Эван сказал, что берет все вопросы на себя и к завтрашнему вечеру галера будет готова к выходу в море. Что и исполнил – на следующий день у причала появи-

лась заслуженная, но все еще крепкая «Джелико», а носильщики лихорадочно перетаскивали на нее тяжеленные тюки и вкатывали вместительные бочки. Экипаж «Вестрела» с достоинством прогуливался по гавани и объяснял всем желающим, что завтра утром галера отходит в Сеулу и далее, а везут на ней такое... В общем, приятель, видишь вон тот карак? Ага, это «Вестрел». Тот самый. Да, специально пришли, чтобы охранять груз вот этого корыта. В Сеулу, в Сеулу, забрать недостающий товар, а потом в Мессантию. Видали мы этих ваших драконов знаешь где? Не умеете по морю ходить – сидите дома, а не выдумывайте каких-то морских чудовищ в лигу длиной!..

Тогда, в трактире, особенно под местное молодое вино и жареную рыбу, план казался замечательным.

Сейчас же Конан начал подумывать о том, что его рулевой может оказаться правым. Вдруг Плоскомордый ведет какую-то свою, никому не понятную игру, и плавание «Джелико» – часть его задумки? Ведь «Вестрел» остался в порту и на нем всего десять человек под командой Зелтрана! А что, если карташенец задумал украсть их карак? Или еще чего похуже – скажем, сдать их аргосцам, давно мечтающим украсить главную площадь Мессантии виселицей с телами команды «Вестрела»?..

«Кончай размышлять о всякой ерунде, – оборвал сам себя Конан. – Плоскомордый не настолько безумен, чтобы прибрать к рукам „Вестрел“. Да и зачем он ему? Кроме того,

он должен отлично понимать, что такой попыткой объявляет нам войну. Он же не враг себе!..»

– Парус! – пронзительно завопил с кормы Пако, заставив почти всех на корабле – и наемных гребцов, и дремавший на нижней палубе и в трюме экипаж «Вестрела» вздрогнуть. – Парус слева по борту, на траверзе! К нам идет!

* * *

Собственно, появление в здешних водах еще одного корабля не должно было вызвать большого изумления. Полуденное Побережье – самое оживленное место в океане, настоящий морской тракт, по которому всегда кто-то спешит по своим делам.

Но если вы исполняете роль приманки неизвестно для кого, то внезапно возникшее судно поневоле заставит вас насторожиться. Тем более, когда неведомый корабль начинает упорно следовать за вами. И вид у него не то чтобы откровенно подозрительный, но наводящий на нехорошие размышления.

Незнакомец шел под парусами, умело захватив приглушаемый высокими обрывами берега ветер. Это была саэта – корабль, обычный для мореходов Аргоса, Шема... а также обитателей Барахас – хищно вытянутая, с плавными обводами

и низкой осадкой. Корпус саэты поблескивал черным, паруса, как и на «Вестреле», были выкрашены в серо-зеленоватый цвет, издалека сливающийся с морской водой. Намерения капитана саэты вскоре перестали вызывать сомнения – он собирался догнать медлительную «Джелико». Даже при таком слабом ветре, как сейчас, ему бы понадобилось на это около половины колокола.

– Как думаешь, это кто? – легкомысленно поинтересовался Сигурд, глядя на приближающийся парусник. – Что-то я их флага не вижу.

– Я тоже, – кивнул Конан и, обернувшись, крикнул на корму: – Темп не менять!

– А вдруг это и есть наш дракон? – предположил ванахеймец и слегка завистливо пробормотал вполголоса: – Хорошо идут, язви их в душу...

– Поднимай наших, – решил Конан. – Но пусть пока не высовываются. Мы – тихие и мирные, ползем себе не спеша. А если это – дракон, значит, будем его отлавливать.

– Угу, – понимающе хмыкнул Сигурд и скатился по трапу на нижнюю палубу. Вскоре оттуда донесся приглушенный шум что-то выясняющих голосов, но вскоре стих, а рулевой «Вестрела» выбрался обратно и доложил: – Все готовы.

Он негромко фыркнул, видимо, представив себе зрелище превращения безобидной купеческой галеры в корсарское судно. Охотник сам оказался добычей – вот будет над чем посмеяться и что рассказать в Кордаве!

– Капитан, – окликнул приплясывавший от нетерпения на корме Пако. – Они идут под зингарской башней!

– Точно? – недоверчиво переспросил Конан, и юнга даже слегка обиделся:

– Конечно, точно! Я что, нашу золотую башню не узнаю?

– Чего ж они тогда несутся, ровно за ними морской змей гонится? – не понял Сигурд. – Или это береговая стража? Так им вроде вымпел какой-то особенный полагается...

«Береговую стражу» – флотилию из легких и стремительных судов, предназначенную для перехвата контрабандных товаров и охраны берегов – создали не так давно, лет пять назад. Подразумевалось, что таковые отряды будут размещены в каждом городе, но пока сторожевые суда не получили особого распространения. Они действительно должны были нести на грот-мачте издали заметный вымпел ярко-зеленого цвета, но, как ни вглядывались на «Джелико», ничего похожего над преследователем не заметили.

Галера все также продолжала ритмично шлепать веслами. Наемная команда гребцов, наскоро собранная за два дня Плоскомордым в порту Карташены, не высказывала особого интереса к настигающему судну. Их наняли грести, а не драться, поэтому происходящее вокруг их особо не волновало. Защищать корабль (а, значит, и жизни гребцов) взялись корсары «Вестрела», им, как говорится, и игральные кости в стакан. А дело гребцов – вести корабль из гавани в гавань.

Саэта тем временем приблизилась на расстояние тройно-

го перестрела. Пако не ошибся – на ее флагштоке и в самом деле развевался флаг Зингары. Стало видно и название судна, выведенное облупившейся белой краской поверх темных досок: «Иньеста». На борту саэты были видны перебегающие фигуры команды. Вот корабль слегка наклонился, звонко хлопнули паруса, перекидываясь на другой галс, и саэта вроде бы начала удаляться. Это впечатление было обманчивым – «Иньеста» просто описывала круг, собираясь обогнать галеру и пересечь ее курс.

Из люка «Джелико» высунулась чья-то голова, быстро оценила обстановку и рывком скрылась. Сигурд напомнил о себе, высказавшись:

– А они ведь нас обходят, капитан. И, между прочим, без всякого предупреждения остановиться. Или я его не слышал?

– Не было предупреждения, – с готовностью подтвердил с кормы Пако и выразительно покосился на капитана, ожидая распоряжений.

– Ну и пусть обходят, – равнодушно отозвался Конан. – Сколько их там может быть? Два десятка? Нас все равно больше... Сигурд, тебе их название ни о чем не говорит? Все-таки ты здесь дольше болтаешься, чем я.

– Не, – мотнул головой ванахеймец. – Первый раз вижу. Хотя по обводу смахивают на Гуэсову «Стрелу». Только Гуэса с Барахас давным-давно кормит рыб вместе со всей командой. Их аргосцы года три назад потопили.

Черная саэта завершила плавный разворот и резво устремилась наперерез галере, постепенно замедляя ход. Команда «Иньесты» металась по мачтам, зарифливая паруса, однако никаких приготовлений к боевым действиям не замечалось. Конан прикинул уменьшающееся расстояние между кораблями и решил, что саэта собирается почти уткнуться своим бушпритом в бок торговой галеры. Так кто же командует там, на «Иньесте», и чего им понадобилось от мирно идущего по своим делам судна?

Несмотря на убежденность Плоскомордого и свидетельства вроде бы заслуживающих доверия людей, Конан так и не поверил в существование неведомой морской твари, повадившейся топить корабли. Слишком уж разумно для бесполового создания поступал этот зверь – умело прятался, выбирал в качестве добычи суда, команды которых не могли оказать почти никакого сопротивления, и не оставлял следов. Так мог действовать человек, владеющий достаточно небольшим (чтобы было легче спрятать), но стремительным кораблем, на борту которого обитала команда головорезов. А расправиться с экипажами захваченных судов, так же как и с самими кораблями – не так уж и сложно. Затопить или сжечь – вот и не будет никаких плывущих по волнам обломков и болтливых очевидцев.

Потому, выходя сегодня утром из гавани Карташены, Конан ожидал чего-то подобного, скажем, внезапного появления атакующего корабля. И собирался до конца разыгрывать

роль беззащитного торгового судна. Если хотят – пускай даже нападут. Команда «Вестрела» успешно выходила из поединков с противником, превышавшим экипаж карака числом в три-четыре раза, так что здесь даже до настоящего боя не дойдет. Людей с саэты, скорее всего, быстренько перебьют, а главаря надо будет постараться взять живым и доставить в Карташону, Плоскомордому – пускай разбирается, с какой стати ему приспичило изображать из себя морского змея.

Даже как-то обидно, что все так быстро закончилось и оказалось настолько просто. Один изобретательный мерзавец сумел навести такого страха на побережье! Наверное, и слухи о драконе тоже он распустил. Предусмотрительный... Могло бы сработать. А Сигурд прав – глупо было бы рассчитывать на то, что в Закатном океане обитает неведомо откуда взявшийся дракон. Не бывает драконов. Если когда-то и были, то давно перемерли от бескормицы и преследования боящихся их людей. Ладно, расправимся с этой мелочью, получим с Плоскомордого деньги за работу и, в самом деле, пойдём к Шему. Чабела сказала, что на усмирение папочки ей понадобится около месяца, значит, проведем это время с наибольшей для себе выгодой. Хорошее начало уже положено. Или будет положено, как только черная саэта окончательно замрет неподалеку от «Джелико». Никак оттуда кричат что-то?

– Требуют, чтобы мы ложились в дрейф, – сообщил при-

слушивавшийся к невнятным крикам Сигурд. – Подчинимся?

– А почему бы и нет? Мы же всего-навсего торговое судно и всех боимся, – фыркнул Конан. Ванахеймец понимающе кивнул и заорал гребцам:

– Табань помалу!

Барабан келевста, безостановочно стучавший с самого раннего утра, внезапно замолчал. В наступившей тишине раздалось надсадное пыхтение и сопение гребцов, удерживавших тяжелые весла по лопасть погруженными в воду. Галера ощутимо вздрогнула, неохотно теряя с таким трудом набранную скорость, рыскнула вправо-влево и, наконец, остановилась. Весла поднялись вверх, с них с плеском стекали ручьи воды.

Саэта тоже остановилась, закачавшись на пологих волнах в половине перестрела от «Джелико». Теперь положение галеры стало почти безнадежным – саэта в любой миг может распустить паруса и сорваться с места, а тихоходное гребное судно еще сколько будет разгоняться...

– Сейчас нас будут обижать, – тоном записного пророка сказал Пако и предвкушающе захихикал. Ему еще не удалось принять участие ни в одной из стычек «Вестрела». Зато баек он наслушался по самые уши и теперь горел желанием воочию увидеть рукопашную схватку с лязгом клинков, потоками крови и вышвыриванием противника за борт. И, само собой, поучаствовать во всем этом.

Однако на «Иньесте» не спешили кидаться в драку. Вместо этого с борта саэты донесся требовательный оклик:

– Назовитесь!

– Не понял... – удивился Сигурд. – Теперь перед тем, как ограбить, интересуются, кого именно грабят? Надо же, какие стали порядки, а я и не знал...

– Скажи им, кто мы, – подтолкнул рулевого Конан. – Может, они по-первости твою рожу и не признают.

Последнее замечание было не лишено основания. На Полуденном Побережье многие знали почти весь экипаж «Вестрела» в лицо, а уж капитана и рулевого было затруднительно с кем-нибудь спутать.

– Чем тебе не нравится моя рожа? – огрызнулся Сигурд. После чего взобрался на корму, перевесился через борт и вдохновенно проорал заранее сочиненную легенду:

– Это «Джелико» из Карташены, собственность торгового дома Альмонте! Идем с грузом в Сеулу! А вы кто?

Конан с досадой скривился – порой голос рулевого уподоблялся реву боевого рога, заставляя окружающих на некоторое время оглохнуть. Странно... Получается, вынырнувшая из-за Черных Камней саэта – вовсе не разыскиваемый грабитель? Тогда кто они? А вдруг галера нарвалась на самую настоящую Береговую Стражу, рыщущую в поисках контрабандистов? Тогда они непременно захотят осмотреть груз «Джелико» на предмет укрываемых от пошлины товаров, а груза, собственно, нет и в помине. Внушительных раз-

меров тюки и бочки, перетаскиваемые на борт «Джелико» под оценивающими взглядами зевак в Карташенской гавани, были либо пустыми, либо наполненными камнями и досками. А в трюме сидел готовый по первому приказу выскочить наверх экипаж «Вестрела». Нехорошая ситуация складывается... Ну вот, так и есть!

– «Иньеста», морская стража Зингары! На «Джелико», что везете?

– Что мы везем? – недоумевающе оглянулся на капитана Сигурд.

– Откуда я знаю? Соври чего-нибудь! – рявкнул Конан, выругав Плоскомордого и себя за то, что не предусмотрели такого развития событий и не придумали подходящего ответа.

– Зерно, – вполголоса подсказал Пако. – Пшеницу мешками.

– Солонину, – дополнил рулевой галеры, почувявший неладное. – И это... Доски россыпью для строительства.

Сигурд громогласно огласил весь наскоро составленный список, присовокупив от себя пожелание «Иньесте» в скором времени налететь на мель посреди океана и проторчать там седмицы две. С сазы кто-то не менее голосистый доходчиво растолковал ванахеймцу, что он может делать со своими указаниями.

– Слушайте, чего привязались? – выкрикнул начавший злиться Сигурд. – Ежели у нас что с грузом не в порядке, то

разбирайтесь в Карташене с хозяином, а нам спешить надо!

– Успеете, – непререкаемо отозвались с «Иньесты». Говоривший поднялся на шкафут, и теперь Конан смог разглядеть его. Высокий человек лет тридцати, темноволосый, одежда напоминает форму зингарских военных моряков. Да и команда саэты вроде бы тоже обряжена в черно-зеленую форму. Значит, на самом деле охранники побережья. Вот не повезло! И кто тянул Сигурда за язык? Разошлись бы мирно, а теперь стражники наверняка захотят подняться на борт «Джелико» и досмотреть груз.

Спрашивается, что они здесь увидят?

Правильно, два десятка подозрительных личностей, вооруженных до зубов и прячущихся в трюме...

Что они об этом подумают?

А хрен его знает, что они подумают, только одно ясно – «Джелико» придется тащиться обратно в Карташену. День потерян. А сколько еще времени уйдет на выяснение всех обстоятельств! Ладно, с Береговой Стражей будет объясняться Плоскомордый, но все равно команде «Вестрела» и его капитану неминуемо предстоит выставить себя в качестве дураков...

Значит, что надлежит делать?

Верно – ни в коем случае не допускать людей с «Иньесты» на галеру!

Только как этого добиться?..

– Сигурд, быстро крикни, что у нас все пошлины запла-

чены и что нас досматривали в Карташене!

Рулевой и сам сообразил, что сболтнул лишнего, и теперь попытался загладить промах, прокричав о якобы уже собранной с галеры мзде и о том, что приказчики дома Альмонте с экипажа три шкуры сдерут, если груз не будет вовремя доставлен в Сеулу.

Не подействовало. Возле борта «Иньесты» закачался выдвинутый на таях баркас, а ведший переговоры человек в форме язвительно прокричал, что на галеру отправляется отряд для проведения таможенного досмотра, так что пусть подготовят бумаги на груз и грамоту от таможи Карташены.

Сигурд замысловато выругался, неизвестно в какой по счету раз прокляв тот день, когда его занесло на Полуденное Побережье и он спяну решил, что отныне его призвание – мореходство. Конан озадаченно присвистнул и подумал, что драка между командой «Вестрела» и таможенниками как-то не входит в его планы. Но не топить же, в самом деле, этот злосчастный баркас, который вот-вот опустят на воду!

Отчетливо скрипели разматывающиеся канаты, вместительный баркас с таможенниками уже коснулся воды, гребцы «Джелико» равнодушно посматривали на покачивающийся рядом корабль, плескалась зеленоватая вода у борта... И в этой настороженной тишине вдруг раздался вопль.

Даже не вопль, а пронзительный визг насмерть перепуганного человека.

Длился он не более пяти ударов сердца, оборвавшись так

же внезапно, как и начался.

Вопил, как тут же выяснилось, Пако. Захлебнувшись собственными воплями, юнга рванулся прочь с кормовой настройки, споткнулся, мешком шмякнулся на палубу и на четвереньках пополз по проходу между скамейками гребцов, тихонько подвывая.

Никто не обратил на него внимания. Звонко шлепнуло по воде вырвавшееся из рук оцепеневшего гребца весло. Спускаемый с «Иньесты» баркас неуклюже хлопнулся на воду, изрядно черпнув кормой. Кажется, этого никто не заметил.

Сигурд протер глаза, потом покосился на капитана. За девять месяцев совместного плавания он видел своего друга Конана Киммерийца всяким – и обозленным, и радостным, и расшвирепевшим, и на удивление спокойным.

Но никогда еще ему не доводилось видеть Конана настолько обескураженным.

* * *

«Этого не может быть».

Конан повторил эту простую фразу несколько раз, однако возникший из бездн морских призраков не думал исчезать. Тогда киммериец зажмурился и ожесточенно потряс головой.

Видение, к сожалению, не развеялось туманом и не пре-

вратилось в что-нибудь более знакомое и привычное. Оно злорадно маячило на прежнем месте.

Слева раздался неопределенный звук – это Сигурд тщетно пытался что-то выговорить. Несмотря на все приложенные усилия, у рулевого ничего не получалось.

Справа жалобно повизгивали. Неведомо как забившийся под скамью Пако явно собирался расстаться с жизнью.

Конан очень отчетливо понял: если он немедленно не сделает что-нибудь – гребцы «Джелико» непременно свихнутся и дружно попрыгают за борт. А за ними последует его команда.

Он очень осторожно и медленно повернул голову и взглянул на кормовую надстройку. Рулевой «Джелико» валялся в обмороке, обвиснув на рулевом весле. Келевст успел куда-то скрыться. Скорее всего, юркнул под сваленный возле борта чехол от тента.

– Никому не двигаться, – произнесено это было достаточно тихо, однако гребцы расслышали. – Всем пригнуться и сидеть спокойно.

Команды была выполнена с пугающей готовностью. Некоторые попытались повторить достижение Пако, но втиснуться в узкое пространство под скамьями больше никому не удалось.

А над невысокими зелено-голубоватыми волнами Закатного Океана колебалась голова. Наверняка у этой головы имелось и туловище, но Конан мысленно поблагодарил всех

вспомнившихся богов за то, что не видит этого. С него вполне хватало зрелища раскачивающейся на высоте двух человеческих ростов головы.

Размером она была приблизительно с небольшую повозку, украшена крупной чешуей темно-золотистого и коричневатого цветов, образующей ромбовидный узор, а также несколькими парами иззубренных толстых рогов, похожих на сильно увеличенные буйволиные. На рогах и чешуйках висели длинные пряди зацепившихся разлохмаченных водорослей. С головы прозрачными ручейками стекала вода, с плеском обрушиваясь в море.

Еще на голове красовались необходимые каждому живому созданию вещи – внушительных размеров пасть, глаза и ноздри. Ноздри то сжимались, то разжимались, с шумом втягивая и выпуская воздух, широченная пасть слегка приоткрылась, а желтые узкие глазищи жмурились, как у любого внезапно разбуженного существа.

– Помогите... – сипло выдавил наконец-то обретший дар речи Сигурд. – Дракон...

– Дракон, – отстраненным голосом согласился Конан.

Огромное существо с наслаждением зевнуло, продемонстрировав всем желающим набор разнообразных клыков желтовато-коричневого цвета и длинный сероватый язык. Затем из воды показалась чешуйчатая пятипалая лапа, каждый палец которой завершался изогнутым когтем длиной с хорошую абордажную саблю. Зверь изогнул шею, провел ла-

пой по рогам, сгребя изрядный пук мокрых водорослей, и совершенно человеческим жестом протер глаза. Затем оглушительно фыркнул, прочищая нос и заставляя оба корабля содрогнуться от киля до деревянной нашлепки на верхушке мачты – клотика, и осведомился:

– А что это вы здесь делаете?

Голос у него был очень низкий, раскатистый и слегка утробный. При разговоре дракон забавно шлепал мясистыми губами и шевелил чешуей на морде, оказавшейся тонкой и очень подвижной. Видимо, он удерживался на поверхности моря, непрерывно гребя лапами, потому что вокруг него постоянно всплывали большие лопающиеся пузыри. Дракон находился как раз между галерой и саэтой, и чисто по привычке Конан отметил, что длина животного (если верить смутно виднеющимся под водой очертаниям) – примерно шагов десять-пятнадцать, то есть никак не меньше корабельного корпуса. Если ему вздумается напасть...

Всемогущие боги, да откуда взялось такое чудовище? Не бывает драконов, это всем известно! Не бы-ва-ет! Перебили! Сами давно издохли!

Не дождавшись ответа, дракон слегка погрузился в воду и медленно поплыл вокруг «Джелико», оставляя за собой пенный след. Тщательно изучив корабль со всех сторон, огромный зверь с плеском нырнул, но вскоре снова появился на прежнем месте и уставился на неподвижно замерших людей. Конан мог бы поклясться, что чудовище смотрит с откровен-

НЫМ ехидством.

– Счас он нас утопит, – замогильным голосом проговорил Сигурд и вдруг, шагнув к фальшборту, истошно заорал:

– Брысь отсюда, ты, урод чешуйчатый!..

– Ой, дура-ак... – вполголоса протянул Конан и, сгребя рулевого за плечо, оттащил назад.

– Между прочим, я не обзывался, – строго заметил морской зверь, поворачиваясь на крик. – Я только хотел узнать, почему вы так голосите? У вас война?

– Еще нет, – неожиданно для себя ответил Конан.

– А-а, – существо качнуло рогатой головой, подняв небольшую волну. – Ну-ну. Вы, люди, вечно развлекаетесь тем, что уничтожаете друг друга. И после этого еще именуете себя разумными существами!

Краем глаза Конан заметил, что из люков на палубе начали показываться головы его команды. Само собой, что появление морского чудовища их изрядно удивило и напугало, однако у корсаров хватило ума не выскакивать сломя голову, не кричать и не размахивать оружием, пытаясь отпугнуть державшееся вровень с бортом корабля огромное животное.

С саэты не донеслось ни единого звука. Ее застигнутый врасплох экипаж оцепенело застыл на местах, и даже полуопущенный на таях баркас все также висел, задрав нос и наполовину окунувшись кормой в волны.

Дракон тем временем почесался верхней парой рогов о корпус галеры, заставив корабль закачаться, и зачем-то по-

пробовал на вкус рулевое весло, оставив на нем глубокие зазубрины. Требовалось срочно что-то предпринять. Зверюга пока держалась миролюбиво, но кто знает, что взбредет в ее башку спустя мгновение? Твари ничего не стоит выпрыгнуть из моря и всей тяжестью рухнуть на галеру, заставив судно черпнуть воды и отяжелеть. А такими зубищами можно запросто оторвать несколько досок и соорудить отличную пробоину. После чего любоваться, как корабль наберет достаточное количество воды в трюм и отправится в последнее путешествие – на дно океана.

Конан не надеялся, что ему удастся прикончить дракона – это было бы слишком большим подарком судьбы, но шанс здорово напугать зверя у «Джелико» имелся. Правда, для этого нужно было подняться по ступенькам трапа на кормовую надстройку...

– Капитан, ты куда? – зашипел мгновенно очнувшийся Сигурд, увидев, что собирается сделать киммериец. – Тебе жить надоело? Может, он сам уберется!

– Гребцов на весла, – через плечо бросил Конан. – Готовьтесь, сейчас придется рвануть с места.

Рулевой охнул, схватился за голову, потом заковыристо проклял весь мир и, пригибаясь, побежал между скамьями, раздавая пинки направо и налево. Конан тем временем поднялся на корму, решив, что можно попытаться отвлечь зверя разговором. Конечно, это весьма неожиданный для хищного зверя поступок – крутиться вокруг корабля и болтать с

людьми, но вдруг он выжидает подходящего момента, чтобы напасть? Вот и не дождется!

– Ты еще скажи, что людей не ешь! – достаточно громко и возмущенно обратился киммериец к плескавшемуся возле корабля огромному зверю. Вровень с бортом немедленно выросла огромная, обвешанная водорослями голова, и звучно фыркнула:

– Мне – есть людей? За кого ты меня принимаешь, смертный? Ни одно разумное существо, за исключением вашего рода, никогда не причинит вреда другому разумному существу. Кроме того, люди на вкус отвратительны.

– Ага, значит все-таки ты их пробовал? – подловил морского зверя на слове Конан. Дракон на миг опешил, затем озадаченно подвигал бровями и с некоторым смущением проговорил:

– Мне рассказывали... Среди любого народа встречаются в качестве исключения дурно воспитанные и не признающие общих законов личности.

– Откуда мне знать, что ты тоже не исключение? – разговаривая, Конан пересек площадку кормовой надстройки и теперь стоял возле непонятого предмета, укрытого от посторонних взглядов мешковиной. Чехол нужно было стащить, постаравшись не привлекать внимания дракона. – И вообще, чего тебе надо?

– Мне – ничего, – зверь потряс рогатой головой, стряхивая свисавшие на глаза лохмотья водорослей. – Вы просто

разбудили меня своим шумом, вот и решил посмотреть, что тут происходит. Такой огромный океан, а вам приспичило ссориться именно возле моего дома!

«Ага, значит, он обитает неподалеку, – отметил для себя Конан, осторожными движениями развязывая узел удерживающей мешковину бечевки. – Мирный дракон, ха! Скажите еще, что дерьмо не воняет! Всем известно, что драконы и прочие колдовские существа всегда лгут, служат если не Сету, то каким-нибудь злобным свихнувшимся божкам и думают только об одном – как бы досадить людям. Интересно, зачем ему понадобилось топить корабли? Небось бедняги тоже проходили мимо и спать ему помешали... Кстати, где же он мог поселиться – где-то на островах или, скажем, в пещере под водой?»

Веревка наконец подалась и холстина поехала вбок. Под ней скрывалась тайно перетащенная с «Вестрела» небольшая, но мощная баллиста, бывшая на расстояние около полутора обычных перестрелов. Стрела, выпущенная из этого сильно увеличенного и водруженного на устойчивый трехножник арбалета, в удачных случаях прошивала насквозь дубовую доску толщиной в три пальца. Перед отплытием баллисту предусмотрительно взвели и зарядили, так теперь оставалось только навести ее на цель и спустить скобу. Ничего не подозревавший дракон плескался на самом подходящем для выстрела расстоянии.

«В жизни всегда кому-то везет, а кому-то нет,» – фило-

софски подумал Конан, быстро разворачивая тяжелый само-стрел, блестящий лакированным деревом и начищенными медными деталями. В последний миг дракон, явно потерявший интерес к кораблю и медленно удалявшийся в сторону побережья, что-то заподозрил и обернулся, удивленно наклонив рогатую голову набок.

Скрученная из жил толстая тетива со звонким щелчком распрямилась, посылая в полет окованный железом увесистый болт. Морское чудовище резко шарахнулось в сторону, подняв пенный бурун, но неудачно – стрела чиркнула по чешуе шеи и застряла.

– Промахнулся? – на корму вихрем взлетел Сигурд, а позади него раздался дружный тяжелый топот и вопли – команда «Вестрела» повалила на палубу, не желая пропускать самое замечательное и небывалое зрелище в жизни.

– Задел! Давай следующую, сейчас мы его!..

Надеждам людей не суждено было сбыться – дракон коротко и яростно взревел (кажется, не столько от боли, сколько от обиды) и, блеснув потускневшим золотом чешуи, нырнул, оставив после себя расходящиеся пенные волны.

– Всем смотреть на воду! – заорал Сигурд, догадавшись, что разозлившийся зверь может подплыть к кораблю снизу и на миг опередив приказ капитана.

Какое-то время гребцы галеры и экипаж карака пристально вглядывались в темно-зеленоватые глубины моря, ожидая увидеть там приближающуюся огромную тень. Однако таин-

ственный зверь больше не появился.

– Удрал, – вынес решение Конан и, оглядевшись, озадаченно спросил: – Эй, а где «Иньеста»?

Пользуясь общим замешательством, на саэте незаметно подняли паруса и теперь с палубы галеры был виден только смутный силуэт стремительно уменьшающегося в размерах парусника.

– Сигурд, – негромко окликнул рулевого Конан. – Знаешь что? Они совершенно правильно сделали. Пошли-ка и мы обратно. Если из моря еще раз всплывет что-нибудь... эдакое, я ни за что не поручусь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не трогайте моего дракона!

В середине дня «Джелико» вернулась в гавань Карташены. Это событие ни в коей мере не напоминало явление в родные воды покрытых славой мореходов. Скорее, оно смахивало на возвращение единственного корабля, чудом уцелевшего в заведомо проигрышной битве. Весла галеры вразнобой поднимались и опускались, совершенно не следуя ритму заунывно стучащего барабана, и даже висевший на корме флаг уныло обвис, превратившись в цветастую вылинявшую тряпку.

Галера неторопливо прошла вдоль плясавших на волнах буйков, обозначавших проход в гавань, разминулась с рыбачьими баркасами и глухо ударилась бортом о доски причала. На пристань полетели свернутые в кольца чалки с петлями на концах. В общем, все шло как обычно – ну, вернулся корабль, швартуется – однако шлявшиеся по берегу и пристаням зеваки немедленно начали подтягиваться к «Джелико». Они не задавали вопросов, с терпением кошки у мышиной норы ожидая, когда кто-нибудь сойдет с галеры на берег. Тогда можно будет разузнать все в подробностях – что такое стряслось в море и почему судно так быстро примчалось назад.

На корабле шла обычная работа – гребцы вытягивали из уключин тяжелые весла, складывая их на палубе, спускали не пригодившийся парус, зачерпывали кожаными ведрами воду, тут же расплескивая ее по палубам... Зеваки встревоженно зашептались – через борт галеры одним прыжком перемахнул человек, в котором безошибочно узнали капитана столь неожиданно заявившегося в Карташenu «Вестрела», и целеустремленно зашагал по причалу. С «Джелико» его немедля окликнули:

– Конан, ты куда?

– Никуда, – бросил, не оборачиваясь, киммериец.

– Может, мне тоже пойти с ним? – спросил то ли у самого себя, то ли у сидевшего на опустевшей скамейке загребного и немелодично насвистывающего Асторги Сигурд.

– Зачем? – искренне удивился помощник капитана. – Он сам о себе отлично позаботится.

– А кто позаботится о тех, кто случайно окажется у него на пути? – ответил вопросом на вопрос Сигурд. – Кажется, наш капитан здорово разозлился из-за этой чешуйчатой зверюги. Значит, обязательно что-нибудь натворит... а нам это надо? В общем, пошли, прогуляемся, я тебе выпивку поставлю. Чего торчать на этой лоханке?

Асторга еще мгновение поколебался, затем кивнул и встал. Ванакхеймец был прав – после изрядно всех перепугавшей встречи с чудовищной морской тварью и неудачного выстрела баллисты Конан стал мрачен, на все вопросы ко-

манды отвечал неразборчивым ворчанием, явно обдумывая какую-то запавшую ему в голову идею. Асторга без колебаний мог бы поставить свою долю в общей добыче карака: капитан изобретал безотказный способ прикончить либо изловить удивительного зверя.

Сам помощник не слишком разделял желание своего командира повторить попытку. Огромное животное казалось слишком опасным и непредсказуемым для того, чтобы по новой охотиться на него посреди бескрайней и бездонной морской равнины. Не лучше ли предоставить это странное существо своей судьбе да поискать занятия полегче и, как бы это выразиться, несколько побезопаснее? Сражаться с командой чужого корабля намного привычнее, чем с огромным зверем, словно явившемся прямиком из страшноватого предания...

Конана они догнали возле дверей таверны «Островок блаженства» – ближайшей к гавани. Капитан недовольно покосился на своих спутников, но ничего не сказал, зная, что прогонять их бесполезно. Захотят – уйдут сами.

В таверне, несмотря на приближавшийся вечер, было малолюдно. Сигурд втихомолку порадовался этому обстоятельству – у капитана будет меньше поводов устроить заварушку. И наверняка в кабачок скоро примчится Плоскомордый – узнать, что вышло из его задумки. Значит, предстоит долгий и, скорее всего, не дающий ничего полезного разговор. Пустопорожней болтовни Сигурд не любил, а потому зара-

нее скривился.

Тут ванахеймец заметил знакомую физиономию. Обладатель сей физиономии удобно расположился на задвинутой в угол скамье, вытянув длинные ноги в остроконечных мягких сапожках, и вполголоса напевал – скорее, для себя, чем для увеселения немногочисленной публики.

– Блайи! – обрадованно рявкнул Сигурд. Бард от неожиданности вздрогнул, заставив струны виолы немелодично звякнуть, и растерянно уставился на приближавшегося рулевого «Вестрела», явно не понимая, откуда он тут взялся.

– Вы что, уже вернулись? – удивленно спросил он. – Я же сам видел, как вы утром уплыли... на таком большом челне с веслами. И все вокруг твердили, что вас надо ждать дней через пять.

– Корабли не плавают, а ходят, – внушительно поправил Сигурд, плюхаясь на соседнюю скамью. – И это тебе не какой-то «челн с веслами», а галера.

– Я в кораблях не разбираюсь, – честно признался Ди Блайи. – Знаю, что одни с веслами, а другие с парусами. Некоторые побольше, некоторые поменьше. И на всех них натянута целая паутина каких-то веревок с заумными названиями... А еще они имеют плохую привычку тонуть. Слушай, что случилось с вашим капитаном? Такое впечатление, словно он собирается кого-то убить, только еще не решил, кого именно.

– Так и есть, – хмыкнул Сигурд. – Кстати, куда подевался

твой приятель... как его?

– Монброн? – Блайи состроил донельзя удрученную физиономию. – Страдает. С утра от похмелья, днем от обжорства, вечером от сознания полнейшей невыполнимости возложенного на него долга. Окончательно постигнув простую мысль, что ничего нельзя поделатъ, он напивается и все повторяется снова.

– Быстренько разыщи его и приведи сюда, – посоветовал ванахеймец.

– Зачем? – не уразумел Ди Блайи. Затем прищурился и понимающе спросил: – Вы отыскиали в море что-то, о чем ему необходимо знать?

Сигурд оглянулся на своего капитана, убедился, что тот всецело занят выпивкой, едой и разговором с Асторгой, наклонился через стол и заговорщицким шепотом проговорил:

– Дракон.

Блайи недоверчиво присвистнул, но с места не тронулся. На его лице явственно читалось: слышал он все эти рассказы о драконах и морских змеях, и цена подобным байкам – медный сикль в базарный день. Не проведете!

– Чтоб мне сдохнуть на этом месте, возле побережья водится самый настоящий дракон! – чуть погромче и оттого намного убедительнее повторил Сигурд. – Зови своего приятеля, пусть тоже послушает. В конце концов, он собирается выполнять свое обещание или нет?

Ди Блайи, поколебавшись, решительно кивнул, вскочил

и, стремительно пробежав через обеденный зал, скрылся за трактирной дверью. Сигурд хмыкнул и присоединился к своему капитану и Асторге, подумав, что все сделал правильно. Пускай лучше за драконом носится, высунув язык, такой слегка тронувшийся умом парень, как Монброн. Для команды карака отыщется множество более полезных и, что немаловажно, более доходных дел. Остается только убедить капитана в том, что никакой дракон ему даром не нужен. Это, конечно, будет трудновато, но попробовать стоит. Что же до Плоскомордого, то придется ему доходчиво растолковать, что времена охоты на чудовищ давно прошли. Пусть выкручивается, как хочет.

Очевидно, сплетни в Карташене разносились постоянно налетающим с моря бризом. Иначе как объяснить то обстоятельство, что капитан «Вестрела» и его подчиненные успели распить содержимое только одного кувшина, а в трактир уже входили знакомые личности? Эван, сопровождаемый сумрачного вида громилой-телохранителем, и непрорихимо угрюмый Монброн, настойчиво подталкиваемый в спину Ди Блайи, явились в «Островок блаженства» почти одновременно.

Маэль Монброн подозрительно покосился на гостей трактира, и с видимой неохотой устроился за столом неподалеку от компании корсаров. Ему совершенно не хотелось известить свои лучшие годы на исполнение дурацкой клятвы предков. И городок ему тоже не нравился. И плескавшийся у бере-

га океан – слишком огромный и глубокий. Вдобавок, вчера вечером Маэль перестарался в употреблении горячительных напитков (сам он считал, что во всем повинен Ди Блайи – бард весь вечер напролет пил за чужой счет и совершенно не пьянел. Нельзя же было позволить, чтобы потомственного дворянина перепил какой-то паршивый менестрель без гроша за душой!).

В общем, у обычно жизнерадостного Маэля Монброна сегодня вечером было отвратительнейшее настроение. Какое-то настоятельно требовалось на ком-нибудь сорвать.

Плоскомордый же просто изнывал от желания узнать, как – успешно или неуспешно – закончилось путешествие «Джелико» и даже не пытался этого скрывать. Едва добравшись до стола, он нетерпеливо и быстро спросил:

– Видели что-нибудь? Почему вы вернулись?

– Век бы такого не видать! – вполголоса пробурчал Ас-торга.

Эван выжидательно уставился на Конана, рассчитывая услышать нечто большее, нежели краткое и малопонятное высказывание помощника капитана.

– Видели, – нехотя подтвердил киммериец. – Тебе сказали правду. Есть дракон.

Плоскомордый тихонько, но восторженно взвыл. Схватил первый попавшийся кувшин, налил себе полную кружку и поднял ее в шутовском приветствии:

– За вас, месьоры! Ну, расскажите, какой он? Действи-

тельно пятидесяти шагов в длину и весь покрыт каменной чешуей? Вы его только видели или пытались поймать? Он что, и в самом деле нападает на корабли?

– На нас, во всяком случае, он не нападал, – честно признал Конан. – И пятидесяти шагов в нем не наберется, от силы пятнадцать. А еще он разговаривает.

– Как это – «разговаривает»? – не поверил Эван. – Это же животное, оно не может говорить! Рычать, реветь, но не разговаривать, как человек!

– Этот говорил, – вмешался в разговор Сигурд. – Вынырнул и заявил, что мы ему, видите ли, спать мешаем!

– Говорящий он или нет, – отмахнулся Плоскомордый, – не имеет никакого значения. Подобной твари нечего делать возле нашего побережья. Итак, господин капитан, ты и твои люди видели это существо вблизи. Как по-вашему, можно ли его убить или прогнать, и сколько шкур вы сдерете с меня в награду за ваши труды?

– Можно, – коротко ответил Конан. Асторга и Сигурд переглянулись – награда наградой, Плоскомордый наверняка не поспеет связываться с драконом им с каждым мгновением хотелось все меньше и меньше.

– Капитан, – решился высказать свое мнение ванахеймец. – Я, конечно, все понимаю, но может, ну его к морским демонам, этого гада чешуйчатого? Мы ж его сегодня здорово напугали, он наверняка удрал и больше здесь не покажется...

– Напугали? – заинтересовался Эван. – Как напугали?

– Выстрелили по нему из баллисты. То ли промахнулись, то ли шкура у него оказалась слишком толстая, – пояснил Асторга и добавил: – В самом деле, капитан, мы ведь корсары, а не охотники за чудовищами! Скажи на милость, как мы будем искать дракона в океане? Он, конечно, большой, но океан еще больше.

– Найдем, – отрезал капитан, не вдаваясь в подробности. – Сдается мне, что эта тварь живет не в море, а на берегу... Или вы что, испугались какой-то ящерицы-переростка?

Последние было сказано с интонацией, в которой в равной пропорции смешались презрение и насмешка. Рулевой и первый помощник немедленно и дружно возмутились:

– Знаешь, капитан, это уже слишком!

– Кто боится? Я боюсь? Ну-ка повтори это еще раз!

– Слушайте, господа пираты, может вы потом поссоритесь? – встрял довольно ухмыляющийся Плоскомордый. – Кажется, мы договорились. К концу этой луны вы либо убиваете дракона, либо уходите ни с чем. И в том, и в другом случае я плачу за ваш труд. Как вы будете ловить эту зверюгу – целиком и полностью ваше дело. Если вам что-то понадобится, я постараюсь помочь. Идет?

– Не идет, – внятно проговорил кто-то слегка заплетающимся языком, заставив негласного правителя Карташены и корсаров удивленно оглянуться. Возле их стола, упрямо наклонив голову, как собравшийся бодаться бычок, стоял Мэль Монброн. За его спиной Блайи разыграл целое представ-

ление: скорбно возвел глаза к потолку, а потом удрученно развел руками – мол, что я мог поделать?

Бард действительно сделал все, что было в его силах. Мазель прислушивался к разговору за соседним столом вначале равнодушно, затем с нехорошим интересом, потом вдруг помрачнел и сделал попытку встать. Ди Блайи насильно усадил его обратно, справедливо подозревая, что Монброн отнюдь не собирается пожелать господам королевским корсарам доброй охоты. Но когда речь зашла о плате за голову невиданного зверя, Монброн не выдержал. Удержать его на месте могла только якорная цепь или что-нибудь не менее внушительное и крепкое.

– Не идет, – еще раз повторил он, качнувшись вперед, но тут же выпрямившись. – Не знаю, кто вы такие, господа, но это существо... этот дракон – мой!

– Блайи, почему ты не заткнул ему пасть? – зло прошипел Сигурд.

– Сам затыкай, – немедленно отозвался бард. – Скорая смерть как-то не входит в мои жизненные планы.

Плоскомордый с любопытством взглянул на наследника славной фамилии Монбронов, но ничего не сказал. Конан смерил молодого человека откровенно презрительным взглядом и повернулся к Сигурду:

– Это кто? Случаем не тот молокосос, который голосит на всех углах о том, что он добудет дракона?

Рулевому ничего не оставалось сделать, как кивком под-

твердить очевидное.

– Как думаешь, он меч-то держать умеет? – язвительно спросил киммериец и нарочито дружелюбным тоном обратился к Монброну:

– Эй, парень, тебе никогда не говорили, что нехорошо вмешиваться в чужие разговоры?

– Говорили, – Маэль сумел взять себя в руки и теперь его голос звучал почти спокойно. – Однако предмет беседы касается и меня, так что я счел необходимым вмешаться, не спрашивая вашего разрешения. Я хотел бы узнать кое-что о животном, которое вы именуете драконом. Где его видели?

– У Черных Камней, – ответил Сигурд и, повернувшись к капитану, миролюбиво заметил: – Конан, нечего злиться. Пусть мальчишка погоняется за зверюгой в свое удовольствие. Честное слово, после того, как команда увидела эту тварь, немногие захотят снова повидаться с ней...

– Какой он был величины? Какого цвета? – настойчиво продолжил спрашивать Монброн. – Крылья есть?

– Длинной – шагов пятнадцать. Или поменьше, под водой особо не разглядишь, – сказал Асторга. Подумал и неуверенно добавил: – Желтоватый такой. А крыльев я не заметил.

– Не желтый, а зеленый с коричневым, – авторитетно поправил Сигурд. – И что-то у него на спине болталось. Лап четыре, это я точно видел. И длиннющий хвост. А морда похожа на змеиную, только раз в сто побольше.

– Геральдический... – восхищенно пробормотал Маэль. –

Последний в мире геральдический дракон! Наверняка он устроил логово где-то на берегу – геральдические драконы не могут долго жить без пресной воды и не питаются рыбой. Надо обшарить побережье и все здешние пещеры – они любят селиться в скалах...

Монброн уже забыл, что не далее, как сегодня утром клялся бросить все и уехать домой. Дракон был неподалеку, Маэль уже слышал шелест его перепончатых крыльев и скрежет огромных когтей по камням. Что ж, наследник Монбронов из Танасула сумеет показать себя достойным имени предков! Джорджи Монброн стал героем легенд, убив черного дракона, которого еще называли «Проклятием Пуантена», так отчего бы его потомку не заполучить свою долю славы?

– Благородный дон тоже берется за уничтожение животного? – неожиданно подал голос молчавший и внимательно слушавший Эван Плоскомордый. – Что ж, неплохо. Так ваши шансы на успешный исход дела сильно возрастают. Правда, я не рассчитывал, что мне придется оплачивать услуги двух отрядов, но мы как-нибудь договоримся...

Ди Блайи, наблюдавшему за перепалкой, очень не понравилось выражение лица корсарского капитана. Бард мысленно выругал Монброна – зачем встрял в разговор? Все подробности с равным успехом можно было выпросить у Сигурда, явно не имевшего ничего против, чтобы за морским зверем побегал кто-нибудь другой. А теперь еще неизвестно, чем все обернется...

– Ничего подобного! – Конан грохнул пустой кружкой по столу. – За драконом пойду я!

«Богатство и слава – вот на что покупается любой человек в мире, – философски подумал Ди Блайи и, оглянувшись, прикинул, сумеет ли он в случае вспыхнувшей драки добежать до двери или придется отсиживаться под столом. – Интересно, какая из этих вещей более притягательна для Монброна и какая для этого морского волка? Золото не имеет особого значения для Маэля, а капитан вроде очень хочет подзаработать... Однако славу тоже нельзя сбрасывать со счетов. Как внушительно звучит: „Вот идет человек, убивший последнего в мире дракона!“ Кто же откажется от такого добавления к своей репутации? Я бы точно не отказался. Только меня что-то не тянет сражаться с драконами...»

– С какой это стати? – Монброн оперся ладонями на стол и наклонился вперед, негромко проговорив: – Неужели те слухи, что долетели до меня, были истинными?

– Какие слухи? – подозрительно осведомился Конан.

– Что некий варвар, сейчас присягнувший Зингаре, с легкостью переходит на службу к любому, кто ему больше заплатит, – безмятежно сказал Монброн. – И что он выполняет чье угодно грязное поручение... если, разумеется, ему отсыпят полный кошель звонких монеток. Не о тебе ли это говорили? Выходит, это и в самом деле правда?

Ди Блайи вжался в каменную стену и крепко зажмурился, ожидая неминуемого грохота ломающейся мебели, а затем –

глухого удара человеческого тела о стенку или пол. Мгновения тянулись одно за другим, до Блайи долетали неразборчивые, сдержанно-злобные голоса, а затем кто-то потряс его за плечо. Бард решился приоткрыть один глаз и обнаружил, что рядом стоит Сигурд, а за столом никого нет.

– Убили... – в ужасе прошептал Ди Блайи.

– Еще не успели, – фыркнул Сигурд. – Знаешь, твой приятель – еще больший болван, чем мне показалось. Он хоть немного соображает, прежде чем молотить языком? Сказануть такое нашему капитану!

– Куда все подевались? – Блайи наконец решился взглянуть на окружающий мир обеими глазами. Трактир внезапно обезлюдел, а вот с улицы доносились подбадривающие возгласы и лязгающие звуки, в которых безошибочно узнавался звон скрецающихся клинков.

– Твой дружок и Конан пошли драться, – жизнерадостно сообщил ванахеймец. – Если оторвешь задницу от скамьи и выглянешь во двор – увидишь кое-что забавное.

– Как ваш капитан будет разделять Маэля на мелкие кусочки? – уныло спросил бард. – Нечего сказать, замечательное представление... Нет, надо было мне сразу идти в Кордаву!

– Да не убьют этого задаваку! – Сигурд решительно сгреб слабо протестующего Ди Блайи за шиворот и потащил за собой. – Зато проучат – всю жизнь будет помнить!

«В первый раз вижу, чтобы люди устраивали поединок из-

за дракона, причем неубитого дракона, – мельком подумал Ди Блайи, выскакивая вслед за ванахеймцем из опустевшего „Островка блаженства“. – В первый и, наверное, в последний. Будет очень жаль, если Маэля прикончат. Он неплохой человек... хотя бы потому, что я уже два дня живу за его счет. Только зачем он брякнул подобную глупость? Всем же известно, что варвары не выносят, когда их честность подвергается сомнению!..»

* * *

День уже клонился к закату, собираясь вот-вот перейти в быстро сгущающиеся сумерки. Над спокойным морем горела оранжево-алая половинка заходящего солнца, бросая меркнувшие отблески на притихший берег и покачивающиеся на волнах корабли в гавани. Обычно в это время жизнь приморского городка постепенно замирала, но сегодня на набережной, возле стоящей в отдалении от прочих домов таверны «Островок блаженства», царило непривычное оживление. Два десятка человек – рыбаки, жители окрестных домов, завсегдатаи трактира – образовали большой неровный круг и голосили на все лады, высказывая свое отношение к действию, происходящему внутри живого кольца. Судя по срывающимся выкрикам и взблескивающим иногда полосам

железа, там дрались.

В общей суматохе никто не обратил внимания на появившийся из узкого проулка экипаж, запряженный двумя гнедыми лошадьми. Изящная маленькая карета на тонких колесах, выкрашенная в бледно-розовый и золотистый цвета, предусмотрительно обогнула место поединка и остановилась на безопасном расстоянии. За плотно затянутыми белым шелком окном экипажа шевельнулась смутная тень и ясный женский голос требовательно спросил:

– Что происходит?

– Преждевременное открытие ярмарки, – откликнулся сопровождавший карету всадник и, хихикнув, добавил: – Гуляния еще не объявлены, но быки уже дерутся.

– Твои ежедневные посещения гавани все чаще начинают сказываться на твоих манерах, – холодно заметила невидимая дама.

– Прошу прощения, госпожа! Я уже заткнулся, – с готовностью отозвался молодой человек, сдерживая приплясывающую на месте невысокую белую лошадку.

– День, когда ты замолчишь, наверняка будет днем твоей смерти, – печально вздохнули в карете. – Не просветишь ли меня, кто там изволит выяснять отношения? Или твои друзья из порта в очередной раз решают, кому надлежит оплачивать счета?

– Нет, – молодой человек привстал на стременах и озадаченно взгляделся в кричащую толпу. – Кажется, там что-

то иное... Сейчас я все разужнаю и вернусь. Чинкуэда! Поди сюда, радость моя!

Из-под кареты неохотно выбралась крупная светло-рыжая собака из породы кофийских бойцовых псов. Шумно зевнула, встряхнулась, звякнув широким ошейником, утыканным бронзовыми шипами, и уселась в ожидании хозяйских приказов. Парень спрыгнул с лошади, перебросив поводья сонному кучеру, свистнул псу и ловко ввинтился в колышущийся людской круг. Собака по кличке Чинкуэда последовала за ним.

Они отсутствовали не более полусотни ударов сердца. Молодой человек решительно протолкался обратно и остановился возле дверцы экипажа. Собака снова юркнула под днище кареты.

– Нас посетили знаменитости, – торжественно сообщил посланник. – Если кого-то интересует мое скромное мнение – тебе, госпожа, стоит немного приоткрыть окно и взглянуть на них. Тогда они либо остановятся и будут пялиться на тебя, либо прикончат друг друга, чтобы оставшийся мог глазеть без досадных помех...

– Деррик! – возмутилась невидимая дама. – Оставь в покое мою особу! Я тебя куда и зачем посылала?

Молодой человек хмыкнул, явно довольный тем, что добился желаемого – заставил хозяйку рассердиться. Правда, внимательный наблюдатель заметил бы, что и гнев госпожи, и развязность ее спутника были слегка нарочитыми. Эта

пара с увлечением разыгрывала представление для двоих участников, и, видимо, оно им не надоедало.

Спутнику загадочной дамы на вид было лет двадцать или чуть побольше. В его манерах неуловимо проскальзывало нечто, напоминающее движения маленькой непоседливой обезьянки из джунглей Черных Королевств – то ли выражение вечно посмеивающегося лица, то ли привычка беспокойно ерзать на месте, озираться по сторонам и теревить что-то в руках. Даже сейчас, когда он докладывал своей госпоже об увиденном, он ни мига не стоял спокойно.

Довершали картину разлетающаяся гривка вьющихся каштановых волос, лихо сдвинутый набок черный берет и хитро блестящие из-под густой челки зеленоватые глаза. Молодой человек, как следовало из его имени и внешности, не принадлежал к здешним уроженцам.

– ...Говорят, они взаимно обменялись любезностями и решили закончить дело поединком, – рассказывал Деррик, постоянно оглядываясь через плечо на участников схватки. – Ага, вот теперь нам будет отлично видно!

Людской круг неожиданно качнулся в сторону и разорвался прямо напротив кареты. Дама сдержанно ахнула, Деррик восхищенно засвистел и звонко выкрикнул традиционное приветствие участникам боя быков:

– Оле! Победитель получает все!

Зрелище того заслуживало, а потому его выкрик охотно поддержали.

Монброн почти сразу с ужасом понял, что по глупости ввязался в заведомо безнадежную схватку и теперь пытался хотя бы достойно проиграть. Шансов у него почти не оставалось: противник был гораздо сильнее, а главное – опытнее его. Длинный широкий меч с визгом скользил вдоль тоже длинного, но более узкого и гибкого эстока, с легкостью разрушая попытки Монброна поставить хотя бы слабую защиту. Маэль непрерывно пятился по кругу, отступая, теряя преимущество, и, что самое обидное, понимая, насколько жалко смотрится.

Женщина в карете решительно дернула шелковую шторку и выглянула наружу.

Она была не просто хорошенькой, под стать своему мелодичному голосу. Она была безукоризненна и прекрасна. Узкий овал лица с правильными чертами, изящными и строгими, гладко зачесанные назад блестящие черные волосы, украшенные ниткой жемчуга, удлиненные темные глаза и тонкие бледно-розовые губы, на которых то появлялась, то пропадала загадочная полуулыбка. Она была олицетворением своей земли и страны, лучшим, что когда-либо рождалось в Зингаре. И потому было совершенно непонятно, что подобная красавица делает в богатом, но все же провинциальном городке, почему перед ней не распахиваются двери столичных дворцов и не звучат приветственные клики в ее честь?

Впрочем, клики были. Кто-то из зевак заметил карету и ее

владелицу. Однако все попытки приблизиться к экипажу в надежде поближе взглянуть на очаровательную даму были в корне пресечены мрачной собакой, с низким рычанием выбравшейся из-под кареты. Намек был понят безошибочно – красавицу разрешалось приветствовать лишь издали.

Деррик, пристроившись на подножке экипажа, тем временем торопливо излагал все, что ему удалось разузнать о противниках:

– Молодой приехал в город около седмицы назад. Родом он откуда-то из Аквилонии, зовут Маэлем Монброном. Поговаривают, его приезд как-то связан с объявившимся у наших берегов драконом...

– Деррик, ты в самом деле веришь в эти нелепости? – недовольно спросила дама.

– Я еще не решил, верить или нет, – отмахнулся молодой человек. – Зато его соперник – настоящая ходячая легенда!

– Для легенды он слишком материален, – лукаво заметила дама. – И кто же сей... Знаешь, меня так и подмывает сказать – головорез.

– Он и есть самый настоящий головорез, – весело подтвердил Деррик. – Печально знаменитый во всех странах Заката и Восхода. Это Конан Киммериец, он сейчас служит короне Зингары. Под его началом неплохой, как мне говорили, корабль, и два десятка человек, готовых за него ползть в огонь, воду и в гости к Сету. Хотел бы я знать, что таким людям понадобилось в нашем уютном городке? Если верить

слухам, господин корсар тоже желает поохотиться на дракона.

– Вот как? – дама задумчиво склонила голову набок и несколько раз рассеянно сложила и раскрыла кружевной черный веер. – Любопытно... Ты его имел в виду?

Деррик рассеянно кивнул, наблюдая за ходом поединка, затем продолжил:

– А теперь взгляни во-он туда. Возле дверей трактира, видишь? Там стоят трое. Чернявый красавчик посередине – не кто иной, как небезызвестный Тейраз Ди Блайи, чьи нежные баллады вы порой изволите так проникновенно исполнять...

– Деррик! – дама легонько шлепнула болтуна сложенным веером по макушке. – Это правда? Ди Блайи в нашем городе?

– Я же говорю – к нам пожаловало множество знаменитостей, – с гордостью произнес молодой человек и вкрадчиво добавил: – Только я что-то не вижу среди них еще одной...

– Не надо, – коротко и резко сказала дама. – Я больше не хочу слышать об нем.

– Как будет угодно госпоже, – неожиданно покладисто согласился Деррик и вдруг спрыгнул с подножки, присоединившись к общим радостным воплям. Монброн лишился оружия и теперь с тоской проводил взглядом эсток, описывающий в воздухе сверкающую дугу. Клинок упал слишком далеко, чтобы успеть добежать, а появившаяся на лице Конана кривая ухмылка не предвещала ничего хорошего.

– Едем, госпожа, – Деррик толкнул успевшего задремать

кучера и подхватил упавшие поводья своей лошадки. – Все закончилось, больше ни произойдет ничего стоящего внимания.

Дама бросила короткий взгляд на место схватки и сближающиеся фигуры противников, нахмурилась и вопросительно произнесла:

– Деррик?

– Едем, донна, – почти умоляюще проговорил молодой человек.

– Деррик, в чем дело? – настойчиво повторила женщина.

– Схватка не заканчивается с потерей оружия одной из сторон, – неохотно сказал Деррик. – По здешним правилам, бой продолжается до тех пор, пока кто-то из противников не признает себя побежденным или не упадет по причине потери сознания. В общем, сейчас этого Монбронна будут бить. И, полагаю, очень сильно. Ведь из-за своего гонора он наверняка не скажет волшебного слова «сдаюсь». Поехали домой, поздно уже. Дядюшка будет недоволен, изволит гневаться...

– Мой дядюшка волен сердиться, сколько ему вздумается, – дама надменно вскинула головку и приказала: – Деррик, останови их!

– Я? – Деррик отступил на пару шагов и вытаращил глаза. – Госпожа, да за кого ты меня принимаешь?

– За человека, который, если захочет, может добиться всего, чего угодно, – невозмутимо сказала женщина. – Или ты хочешь, что я сама отправилась туда и велела им прекратить

это бессмысленное избиение? Сомнений в личности победителя, насколько я поняла, не возникает?

Деррик состроил самое скорбное выражение лица, на которое был способен:

– Ты безжалостна, донна. Знаешь, что я никогда не могу тебе отказать и всю этим пользуешься. Ладно, я пошел спасать этого несчастного. При одном условии – ты улыбнешься выигравшему. Иначе меня тоже поколотят, а я этого ужасно не люблю.

– Хорошо, – дама кивнула, вытащила из висевшего на поясе мешочка шелковый платок с вышитым гербом и демонстративно поднесла к глазам: – Я не забуду всего, что ты для меня сделал...

– Забудешь завтра же, госпожа, – высказав свое мрачное пророчество, Деррик скрылся в толпе. Собака, гулко вздохнув, привычно отправилась вслед.

Зеваки, безошибочно предчувствуя конец поединка, сгрудились плотнее, так что Деррику пришлось довольно долго пробиваться в центр круга. Он едва успел к развязке схватки. Развязке, весьма печальной для Монброна, пробороздившего занесенные белым песком камни площади и больше не подававшего признаков жизни.

– Отличный удар, – тоном знатока признал Деррик и присел рядом с неподвижно лежащим человеком. – Но, честно говоря, излишний. Представления не имею, что вы не поделили, однако с этого парня уже хватит колотушек, не то он

испустит дух. Кстати, месьор капитан, тебе случайно не нужен добрый совет?

– А ты кто еще такой? – свирепо рявкнул Конан, сгоряча приняв нахального незнакомца за нового врага или представителя городской власти, по глупости решившегося вмешаться в поединок.

– Здесь меня называют Дерриком, – спокойно отозвался не то слуга, не то приближенный прекрасной дамы, осторожно поворачивая голову потерявшего сознание Монбронна и критически осматривая рану на виске. – Я служу во-он той благородной госпоже, что изволит смотреть на нас из своей кареты.

Деррик украдкой покосился на стоявшего в паре шагов от него корсара, затем – на экипаж, и еле заметно ухмыльнулся. Прекрасная донна выполнила обещание – ее таинственная полуулыбка кратко блеснула в наступающих сумерках, после чего плотная шторка на окне экипажа стремительно опустилась.

– Красивая у тебя госпожа, – задумчиво протянул Конан, мгновенно позабыв о побежденном, но еще живом противнике и своем намерении разделаться с ним как следует. – Кто она?

– Донна Агнесса Вальехо, – с неподдельным уважением в голосе сказал Деррик и многозначительно добавил: – Она племянница здешнего градоправителя, и, если захочешь ее повидать – приходи как-нибудь с утра во дворец на холме...

Так как насчет совета?

– Валяй, – снисходительно разрешил киммериец, все еще глядя в сторону экипажа. Впрочем, туда смотрел не только он один.

Ничто, даже вполне искреннее волнение за судьбу приятеля, не помешало Ди Блайи заметить в приоткрытом окне кареты очаровательную незнакомку. Бард на миг потерял дар речи, на его лице появилось на редкость озадаченное выражение, сменившееся сначала восхищением, а затем твердой решимостью. Блайи незаметно отошел от дверей таверны и, смешавшись с остававшимся на площади зеваками, целеустремленно двинулся в сторону кареты.

– В нашем городе, помимо губернатора, имеется еще и капитан местного гарнизона, – как бы между прочим сообщил Деррик. – Я мог бы сказать, что он туп, как баран, но мне не хочется обижать такое мирное и полезное животное. Сей доблестный страж порядка терпеть не может вашу морскую братию. В общем, он с почетным эскортом скоро пожалует в гавань – узнавать, что стряслось. Сдается мне, коли он застанет эту живописную картину – кому-то придется побыть виноватым, даже если ваш поединок происходил на законных основаниях. Догадываешься, кто это будет?

– А с этим что делать? – деловито спросил Конан, ткнув носком сапога слабо шевелящегося Монброна. – Пускай валяется?

– Думаю, моя госпожа с удовольствием совершит малень-

кий милосердный поступок, – Деррик поднялся, оглядел стремительно пустеющую площадь и удовлетворенно кивнул, заметив возле трактира одиноко стоящую тележку зеленщика, запряженную унылого вида осликом. – Придется мне на время одолжить это средство передвижения. А вам и вашим людям, господин капитан, лучше быстренько исчезнуть. Я уже слышу дружный топот сапог приближающихся представителей официальной власти... Эй, месьор, не можете ближнему?

Призванным на помощь «месьором» оказался не кто иной, как Ди Блайи, сумевший подобраться уже почти к самой карете, но наткнувшийся на негромко зарычавшую собаку. Бард предусмотрительно замер на месте, опасаясь бежать и шепотом стараясь уговорить мрачного пса не злиться и найти себе другую жертву.

– Чинка, отстань от человека, – бросил Деррик. – Она не кусается... без необходимости.

– Приятно слышать, – пробормотал Блайи, пытаясь издалека разглядеть, что случилось с Монброном. Увиденное ему сильно не понравилось и он настороженно спросил: – Так чем могу служить?

– Ты Ди Блайи из Пуантена? – уточнил Деррик. Получив в ответ утвердительный кивок слегка растерянного барда, приближенный донны Агнессы невозмутимо распорядился: – Видишь вон ту повозку? Подгони ее сюда. Выскочит хозяин – скажешь, что его собственность забирают по распоря-

жению госпожи Вальехо. Капитан, ты еще здесь?..

Конан бросил уничижительный взгляд на разбитого физически и морально противника, снисходительно кивнул Деррику, круто развернулся и зашагал в сторону таверны. Деррик украдкой скорчил ему вслед гримасу и перенес свое внимание на Блайи, с трудом сумевшего-таки сдвинуть ослика с места и подкатить изрядно расхлябанную тележку к месту бывшего поединка.

– Теперь хватай его за ноги и бросай сюда, – с этими словами Деррик попытался оторвать от земли верхнюю половину туловища наследника Монбронов. Общими усилиями несостоявшегося драконоборца довольно небрежно свалили в повозку, устроив поверх деревянных ящиков с остатками нераспроданной брюквы и начавшей вянуть зеленыю.

– Сойдет, – решил Деррик. – Ехать все равно недалеко.

Блайи подумал, что Маэлю не слишком бы понравилось соседство с пучками резко пахнущей травы, а затем завистливо вздохнул, вспомнив, куда предстоит отправиться Монброну, пускай и в столь неприглядном экипаже. Ему же самому предстоит провести очередной скучный вечер в таверне... Но откуда в захолустном городишке взялась такая ослепительная женщина?

– Куда собрался? – Ди Блайи не успел сделать и двух шагов по направлению к «Островку блаженства», как его цепко ухватили за рукав. – Это же твой приятель? Значит, ты его и повезешь! Залезай и держись за нами. Надеюсь, на то, чтобы

править ослом, у тебя ума хватит?

Блайи не успел придумать достойного ответа – Деррик уже убежал и сейчас стоял возле дверцы кареты, размахивая руками и что-то горячо объясняя своей прекрасной хозяйке. Затем взобрался на терпеливо ожидавшую его лошадь, и крикнул кучеру, приказывая трогаться. Карета с тихим шорохом покатила вдоль набережной, следом за ней мелко зацокал копытами ослик, волоча изрядно просевшую под грузом тележку. Сбоку трусила собака, неприязненно (как показалось Ди Блайи) косясь на неожиданно объявившееся сопровождение экипажа.

– ...Уехали, – доложил Сигурд, глядя в окно таверны на удаляющуюся процессию. – Какая красotka, правда, капитан? Что это за чудо природы?

– Родственница здешнего градоначальника, – рассеянно отозвался Конан.

– Значит, нам ничего не светит, – заметил практичный Асторга. – Странно, разве у них тут имеется градоначальник? Я думал, всем заправляет Плоскомордый.

– Так и есть. Только тем, кто сидит в Кордаве, вовсе не обязательно знать об этом, – пояснил киммериец. – Кстати, куда подевался Эван? Что-то я его не заметил на площади...

– Он вышел с нами, – припомнил Сигурд. – Стоял, смотрел. Когда этот парень, Монброн, шлепнулся, сказал, что ему ясно, кто победит, и ушел. Просил передать, что завтра днем заглянет к нам на борт – поговорить... Слушай, капитан, с

чего ты так взъелся на этого бедолагу? Пускай бы он на здоровье ухлопал эту чешуйчатую зверюгу, нам-то что?хлопот, опять же, меньше...

– Ты не понимаешь, – медленно и как-то задумчиво проговорил Конан. – Дело тут не в деньгах и не в хлопотах. Просто я, а не он должен изловить дракона. Это же наверняка последний дракон в мире! Когда я его увидел, мне стало неважно, заплатят нам за его шкуру или нет. Я бы и так отправился его разыскивать. Он такой... – киммериец сделал неопределенный жест и закончил резким: – В общем, я должен его добыть – и все.

Сигурд не слишком разобрался, что имел в виду капитан, но промолчал, зная – если Конан что-то решил, то переубедить его невозможно. Ладно, на ближайший месяц занятие команде обеспечено. Будем дружно ловить дракона. Только можно спорить на что угодно – Монброн просто так не отступится. И сегодняшняя трепка его наверняка ничему не научила. Похоже, он настолько же упрям, как и капитан «Вестрела». Надо же было парню вбить себе в голову столь дурацкую идею да вдобавок именно сейчас явиться на побережье! Вот это и называется – нашла коса на камень. И все из-за чего? Из-за какой-то жуткой твари, которой давно полагось бы тихо издохнуть!

Маэль Монброн очнулся в незнакомом месте, с ужасающей головной болью и совершенно не представляя, как здесь оказался.

Место было тихим, пронизанным солнечным светом и приятно пахло. Откуда-то доносился то затихавший, то усиливавшийся жесткий шелест. Подумав, Маэль сообразил, что так шуршат на ветру пальмовые листья.

Осторожно повернув голову влево, он увидел нечто полупрозрачное, цветное и развевающееся. Справа обнаружилось то же самое. Пространство над головой имело бледно-розовый оттенок и точно не являлось небом. Его наискосок пересекали несколько желтых полос.

«Солнце, – после некоторых усилий сообразил Маэль. – Уже день?»

Последние воспоминания были окрашены в цвета наступающих сумерек, а затем Монброн почему-то отчетливо вспомнил несколько крупных булыжников, присыпанных мелким белым песком. Между булыжников извилистым ручейком текла темно-красная струйка. Что это означало – Маэль не представлял.

К звуку трущихся друг о друга листьев прибавился новый – тихое ритмичное позвякивание и еле различимое поскри-

пывание досок под чьими-то шагами. Маэль прислушался, стараясь не обращать внимания на гудящие в голове колокола. Точно, рядом находился человек.

– Э-э... – с трудом выговорил Монброн. – Э-эй...

Похоже, его усилия не увенчались успехом – человек не расслышал. Маэль передохнул и сделал вторую попытку:

– Эй!..

Шаги замерли. Позвякивание тоже прекратилось. Маэль увидел движущуюся по занавесям голубоватую тень и с трудом выговорил:

– Где я? – почему-то это казалось сейчас самым важным.

– В царстве Нергала, сын мой, где же еще? – отозвался звонкий голосок, принадлежавший не то мальчику-подростку, не то совсем молоденькой девушке. Маэль нахмурился, пытаясь понять, что ему не нравится в полученном ответе. Если незнакомец не лжет (с чего бы ему лгать?), получается, он, Маэль Монброн из Танасула, умер. Умер и попал на Серые Равнины, все правильно. Тогда отчего неподалеку мирно шелестят пальмы и не замечается никаких рогатых злобных демонов, пылающих неугасимых огней и прочих зловещих атрибутов владений бога смерти?

Размышления вылились в неуверенный вопрос:

– А почему здесь так... хорошо?

– Ох уж эти мне смертные, – вздохнул неизвестный. – С чего ты взял, что здесь должно быть плохо?

– Говорят... – нерешительно заикнулся Монброн.

– Никогда не стоит слушать всяких клеветников и болтунов, не бывавших дальше собственного порога, – наставительно заметил голос. – Как павшему в бою, тебе предоставлено лучшее из имеющихся мест вечного отдохновения, а также некоторый выбор.

Вжикнули медные кольца отодвигающихся занавесей и Монброн на миг зажмурился, ослепленный хлынувшим потоком солнечных лучей. Голосок беспечно продолжал:

– Так вот, либо ты окончательно признаешь себя покойником, либо пьешь вот эту гадость и благополучно воскресаешь.

– Какую гадость? – подозрительно спросил Монброн, моргая. Воскресать совершенно не хотелось – Мир мертвых оказался не таким жутким местом, как о нем рассказывали.

– Вот эту, – возле носа Маэля появилась бронзовая плоскодонная чашка, над которой поднимался резко пахнущий дымок. – Вроде я ничего не напутал с ингредиентами. Впрочем, если напутал – не беда. Отравиться ты не можешь, потому что и без того умер. Будешь пить?

– Нет, – решил Монброн и для пущей убедительности вяло помотал головой: – Не буду.

– Не будешь? – удивился голос. – Вот так раз! Обычно все рвутся назад – кого-то они там убить не успели или объяснить очередной юбке, что жить без нее не могут – а тебе здесь нравится?

– Нравится, – решительно подтвердил Маэль.

Рука с чашей отодвинулась, а в голосе незнакомца появились задумчивые интонации:

– Ты бы подумал как следует, сын мой. У нас тут, конечно, неплохо, но и у вас, на земле, есть кое-что хорошее... Как бы не пожалел потом. Смотри, второй раз возвращения тебе не предложат. Будешь целую вечность валяться здесь да пялиться в потолок. А тем временем дракона прикончат без твоего участия.

– Какого дракона? – озадаченно переспросил Маэль.

– Геральдического, – ехидно сказал голос. – С двумя крыльями и четырьмя лапами. Пятнадцати шагов длиной.

– Дракон... – повторил Монброн и с нарастающим сожалением понял, что на этот раз умереть ему не удалось. Кажется, он вчера с кем-то дрался, вокруг кричали люди, а потом настали тишина и темнота. Наверное, он проиграл поединок, а потом его куда-то отвезли. Да, он смутно помнил толчки подпрыгивающей на камнях повозки. Где же завершился его путь? Что это за место? Маэль уже сообразил, что лежит на кровати, а цветные развевающиеся предметы рядом – всего-навсего полог, спускающийся с бледно-розового балдахина. Остается только узнать, в чьем доме стоит эта кровать и кто взял на себя труд позаботиться о нем?

Скрипнула открывающаяся дверь. До Монброна долетел легкий приближающийся перестук, свойственный каблучкам женских туфелек. Спустя мгновение приглушенный и удивительно мягкий голос спросил:

– Деррик, что ты делаешь?

– Как что? – наигранно удивился незнакомец, только что убеждавший Монбронна в его смерти. – Выполняю твое приказание – пытаюсь оживить имеющийся в моем распоряжении труп. Знаешь, он, оказывается, не хочет воскресать!

– Ничего тебе поручать нельзя, вечно все испортишь, – ласково сказала женщина. – Отдай чашку. Что ты сюда намешал, признавайся?

– Ну-у... – задумчиво протянул Деррик. – Вреда это ему точно бы не принесло. Правда, насчет пользы тоже не уверен...

– Брысь! – решительно приказала женщина. – Ступай вниз. Там пришел гость, займи его, пока я не спущусь. И разыщи дядюшку – мне кажется, ночью в окрестностях города что-то случилось. Узнай поточнее, потом вернешься и расскажешь.

– Я еще должен развлекать твоих гостей, – проворчал Деррик. – Ладно, так и быть, могу немного постоять на голове. Или спеть песенку про мельника и его жену.

– Деррик, перестань валять дурака, – тем же ласковым голосом попросила незнакомка. – Кстати, столь ранним и неожиданным визитом я обязана именно тебе. Мог бы заранее предупредить, что повсюду распространяешь приглашения от моего имени, я бы хоть причесаться как следует успела.

– А, вот кто к нам пришел! – почему-то обрадовался Дер-

рик. – Уже бегу!

Он действительно убежал – Монброн отчетливо расслышал его шаги, стук открывшейся и захлопнутой двери, и приглушенный топот вниз по ступенькам. Обладательница чарующего голоса раздвинула прозрачные занавеси и осторожно присела рядом с Маэлем на край постели. Монброн с некоторым трудом повернул голову набок, увидел темный силуэт на фоне льющихся из широкого распахнутого окна солнечных лучей... и понял, что пропал. Окончательно, бесповоротно и навсегда.

– Не стоит сердиться на Деррика, – успокаивающе произнесла женщина, одновременно совершая какие-то действия с предметом, стоявшим у нее на коленях. До Монброна донесся тихий плеск воды. – Он любит подшучивать над людьми, но частенько забывается и его шутки становятся излишне жестокими.

Незнакомка бережно приложила ко лбу Маэля сложенный в несколько раз и смоченный в ледяной воде кусок ткани и заботливо поинтересовалась:

– Так получше?

Монброн попытался сказать «Да», но вместо этого издал какой-то невнятный жалобный звук. Женщина верно истолковала его как утверждающий и продолжила тем же негромким, убаюкивающим тоном:

– Меня зовут Агнесса, графиня Вальехо. Это мой дом, вернее, моего дядюшки. Ты – месьор Маэль Монброн, пра-

вильно?

– Я – полнейший болван, – наконец сумел внятно выговорить Маэль. – Простите, донна Агнесса.

Дама непонимающе приподняла тонкие дуги бровей, и Монброн, запинаясь, проговорил:

– Я приехал за драконом. Глупо, правда? Вот и я думаю, что глупо. Потому я три дня ровным счетом ничего не делал, только сидел в трактире и пил. А потом пришел этот человек... – Монброн попытался вспомнить имя своего вчерашнего противника, но не сумел. – Он говорил, что видел дракона, моего дракона, и собирается его убить. За плату. Я сказал, что это не его, а мое дело. Он назвал меня молокососом. Кажется, я в ответ наговорил ему лишнего. Мы подрались. Я проиграл – он меня просто избил и еще посмеялся. Вам не надо было меня подбирать. Лучше бы я остался там, на площади. Я завтра же уеду отсюда. Я ни на что не гожусь и ничего у меня не получится.

Выговорившись, Монброн почувствовал некоторое облегчение и решил украдкой посмотреть на Агнессу. Почему-то он был уверен, что донна Вальехо безошибочно поймет смысл его сбивчивого и перескакивающего с пятое на десятое рассказа.

– Мы все совершаем ошибки, месьюр Монброн, – спокойно сказала Агнесса. – И платим за них. Тебе пришлось сполна расплатиться за свою, но этот еще не повод, чтобы бросать начатое дело на полпути. Что же до человека, с которым вы

вчера не поладили... Я полагаю, что вам стоит договориться между собой. Иначе вместо охоты на чудовище вы будете охотиться друг на друга. Я немного знаю твоего противника и мне кажется, что если ты извинишься, он вполне этим удовлетворится.

– Никогда! – чуть громче, чем следовало, выкрикнул Монброн. Голова немедленно отозвалась короткой вспышкой боли. – Это мой долг и никакие...

– Лежи спокойно, – Агнесса невозмутимо поправила сбившуюся повязку. – Вот сейчас ты в самом деле поступиешь весьма неумно и непредусмотрительно. Я бы на твоём месте попыталась заручиться всей возможной поддержкой. Насколько я знаю, даже охота на обычное хищное животное требует слаженных действий, что же говорить о попытке добыть дракона...

Дверь спальни комнаты приоткрылась и в щель просунулась чья-то взъерошенная голова.

– Агнесса, – свистящим шепотом позвала она. – Донна Агнесса! На наш мирный дом надвигается бедствие!..

По голосу Монброн признал Деррика.

– Входи, – разрешила Агнесса, обернувшись. – Что стряслось на этот раз?

– Твой дядюшка в ярости, – ухмыляясь, сообщил Деррик, просачиваясь между створками. – Его допек наш гость. Ещё немного, и дело дойдет до рукопашной. Я оставил там Чинку и примчался за тобой. Спасай! Тебя они наверняка послу-

шаются.

– Для начала я хотела бы знать, каков повод их ссоры? – невозмутимо осведомилась Агнесса.

– Дракон, какой же еще! – Деррик пробежался по комнате, уселся верхом на отодвинутом в угол стуле и глазами указал на наострившего уши Монброна. – Можно говорить при нем?

Агнесса мгновение подумала, затем кивнула.

– Там явился капитан Конан, – начал Деррик, но тут же перебил сам себя. – Собственно, дело началось с того, что сегодня ночью огромная крылатая тварь, в которой безошибочно признали дракона, напала в долине Флеммы на овечье стадо. Там было около сотни овец, а теперь осталось чуть побольше десятка.

– Бедный зверь, у него наверняка будет несварение желудка, – еле слышно сказала Агнесса. Деррик хихикнул и продолжил:

– Это отары Монтего и, разумеется, он взбесился. Взобрался на лошадь и лично примчался в город, чтобы пожаловаться градоправителю, а ведь старику уже шестой десяток! Но веселье на этом отнюдь не закончилось. Не успел Монтего выйти за дверь, как пришел Конан. И знаешь, зачем? Он без долгих рассуждений предложил господину губернатору свои услуги по избавлению города от морского чудовища!

– Так это просто замечательно, – сказала Агнесса. – Ты же сам говорил – у него имеется огромный опыт по изведению

всяких тварей. Он наверняка справится. Дядюшка согласился?

– Еще нет, – Деррика разбирал смех, однако он старался сдерживаться. – Видишь ли, моя госпожа, капитан вполне резонно желает, чтобы его труд и усилия его людей были оплачены. Цену он назвал. Сумма довольно внушительная, но справедливая. А господин губернатор твердит, что никакой платы им не полагается, ибо корсары короны являются частью военных сил Зингары и обязаны по мере сил способствовать уничтожению всех неожиданно возникающих неприятностей, мешающих мирному существованию жителей. То есть получается, что уничтожение дракона является их прямой обязанностью и требовать за это плату в высшей степени недостойно. В общем, сейчас они обсуждают, входят ли крупные дикие животные в понятие «неожиданно возникающих неприятностей» и сей горячий спор грозит перерасти в вульгарную драку. Я понятно все объяснил?

– Я же говорил, что этот ваш хваленый корсарский капитан просто ищет, где бы пожить на дармовщинку, – мстительно заметил Монброн. – Донна Вальехо, нельзя ли мне переговорить с вашим почтенным дядюшкой? Мне не нужна никакая плата, я приехал специально ради того, что уничтожить это порождение тьмы...

– Тихо, – внушительно сказала Агнесса. – Помолчите оба. Маэль и Деррик послушно смолкли.

– Деррик, беги вниз и проследи, чтобы господин капитан

и дядя остались живы. Передай им – я уже иду, – распорядилась донна Вальехо и встала. – Месьор Монброн, если ты в состоянии держаться на ногах, можешь побеседовать с моим дядюшкой хоть сейчас. Однако сперва поразмысли хорошенько над тем, что я тебе сказала. Если ты всерьез намереваешься истребить чудовище, ты не справишься в одиночку.

– Госпожа Агнесса, – жалобно сказал Маэль. – Но ведь... Ваш дядюшка ведь откажет этому грабителю?

– Не знаю, – пожалала хрупкими плечами Агнесса и задумчиво улыбнулась. – Не хочу преувеличивать свое влияние, однако дядя частенько следует моим советам. Сейчас же я намереваюсь посоветовать ему принять условия капитана Конана. Раз это животное, дракон, действительно существует и причиняет вред нашему городу, мы должны использовать все возможности отыскать его и убить. Если желаете, месьор Монброн – присоединяйтесь к нашему разговору. Комната для гостей – первая внизу по коридору.

Она подобрала шелестящие юбки белого платья и направилась к услужливо распахнутой Дерриком двери. Монброн с тоской посмотрел ей вслед. Ну почему все так плохо складывается? Какой злой демон нашептал этому морскому разбойнику мысль именно сейчас навеститься в Карташону? И как теперь поступить ему, Монброну? Мало хлопот с проклятым драконом, так на пути встретилась самая непостижимая и прекрасная из когда-либо виденных женщин! Кто-кто, а она наверняка не страдает от недостатка поклонников...

Маэль горько вздохнул, поняв, что совсем запутался, и с трудом сел. Хотелось есть, хотелось еще немного поговорить с такой рассудительной и все понимающей донной Вальехо, и очень хотелось домой. Зачем он только ввязался в эту авантюру?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Народные увеселения

Традиции, как известно, дело святое.

Именно в силу этих самых традиций летняя ярмарка в Карташене, на которую съезжался народ со всей провинции Антабрия, проводилась не в самом городе, а за его пределами. Если выразаться точнее – на большом общинном лугу, тянувшемся от закатных предместий и полого спускавшемся к широкой ленте Флеммы.

Существовало несколько объяснений тому обстоятельству, что столь важное для жизни провинции мероприятие проводится не под надежной защитой городских стен. Они частенько здорово противоречили друг другу, так что каждый желающий мог выбрать любое устраивающее его толкование. Самым распространенным и любимым среди горожан было предание о Саальведе.

Саальведа, как гласила легенда, жил около двухсот лет назад и был самым обычным пиратом. Правда, однажды ему повезло. То ли добыча подвернулась крупнее обычной, то ли он отыскал какой-то знаменитый клад, то ли просто в силу врожденной скопидомности сумел скопить достаточно большую сумму денег и не успел ее растратить. Так или иначе, в один прекрасный день корабль Саальведы проходил ми-

мо здешних берегов и его капитану вдруг явилось некое видение. Легенда умалчивает о том, какого рода было это видение и в какой именно форме оно выразилось, однако достоверно известны его последствия. Саальведа внезапно решил, что вся его жизнь была одной большой ошибкой, а сейчас ему предоставляется возможность попытаться все исправить. Начать исправление он решил с широкого жеста – раздачи своих богатств всем нуждающимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.